

Дюма А.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ВИКОНТ ДЕ БРАЖЕЛОН,
ИЛИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Александр Дюма
Виконт де Бражелон,
или Десять лет спустя.
Часть четвертая
Серия «Дюма. Собрание
сочинений», книга 8

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28758863

*Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Часть четвертая: Мир
книги, Литература; М.; 2008
ISBN 978-5-486-02354-5, 978-5-486-02145-9*

Аннотация

Александр Дюма (1802–1870) – знаменитый французский писатель, завоевавший любовь читателей историческими приключенческими романами. Литературное наследие Дюма огромно: кроме романов им написаны пьесы, воспоминания, путевые очерки, детские сказки и другие произведения самых различных жанров.

В данный том Собрания сочинений вошла четвертая часть романа «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя».

Комментарии *С. Валова*

Содержание

I	5
II	17
III	31
IV	42
V	59
VI	72
VII	82
VIII	93
IX	111
X	118
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Александр Дюма
Виконт де Бражелон,
или Десять лет спустя.
Часть четвертая

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2008

© ООО «РИЦ Литература», комментарии, 2008

I

Чего не предвидели ни наяда, ни дриада

Де Сент-Эньян остановился на площадке лестницы, которая вела на антресоли к фрейлинам и во второй этаж к принцессе. Там он велел проходившему лакею позвать Маликорна, который еще был у принца.

Через десять минут пришел Маликорн и стал внимательно всматриваться в темноту.

Король отступил в дальний угол площадки, а де Сент-Эньян вышел навстречу Маликорну.

Выслушав его просьбу, Маликорн растерялся.

– Ого, – сказал он, – вы хотите, чтобы я провел вас в комнаты фрейлин?

– Да.

– Вы понимаете, что я не могу исполнить подобную просьбу, не зная цели вашего визита.

– К несчастью, дорогой Маликорн, я лишен возможности дать вам какое-либо объяснение; вы должны довериться мне как другу, оказавшему вам услугу вчера, который просит, чтобы вы оказали ему услугу сегодня.

– Но ведь я, сударь, сказал вам, в чем больше всего сам нуждался: я просто не хотел спать под открытым небом.

Каждый честный человек может признаться в этом, вы же ничего не сообщаете мне.

– Поверьте, дорогой Маликорн, – настаивал де Сент-Эньян, – я объяснил бы вам все, если бы мне было дозволено.

– В таком случае, сударь, я никак не могу позволить вам пройти к мадемуазель де Монтале.

– Почему?

– Вам это известно лучше, чем любому другому, потому что вы застали меня на заборе, когда я открывал свое сердце мадемуазель де Монтале. Согласитесь, что моя любезность простиралась бы слишком далеко, если бы, ухаживая за ней, я сам открыл бы дверь в ее комнату.

– Но разве я вам сказал, что я прошу ключ от ее комнаты?

– Тогда от чьей же?

– Она, кажется, живет не одна?

– Нет, не одна.

– Вместе с мадемуазель де Лавальер?

– Да, но у вас не может быть дела к мадемуазель де Лавальер, так же как и к мадемуазель де Монтале. Есть только два человека, которым я вручил бы этот ключ: господину де Бражелону, если бы он попросил меня дать его, и королю, если бы он приказал мне.

– В таком случае дайте мне этот ключ, сударь, я вам приказываю, – произнес король, выступая из темноты и распахивая плащ. – Мадемуазель де Монтале спустится к вам, а мы поднимемся к мадемуазель де Лавальер; у нас дело толь-

ко к ней.

– Король! – испуганно пробормотал Маликорн, падая к ногам Людовика.

– Да, король, – отвечал с улыбкой Людовик, – который вам так же благодарен за ваше сопротивление, как и за вашу капитуляцию. Вставайте, сударь, и окажите нам услугу, которую мы просим от вас.

– Слушаю, государь, – сказал Маликорн, поднимаясь с колен.

– Попросите мадемуазель де Монтале спуститься, – приказал король, – и ни слова о моем визите.

Маликорн поклонился в знак повиновения и поспешил вверх по лестнице.

Однако король внезапно изменил решение и двинулся за ним так поспешно, что хотя Маликорн поднялся уже до половины лестницы, Людовик одновременно с ним подошел к комнате фрейлин.

Он увидел через полураскрытую дверь Лавальер, сидевшую в кресле, а в другом углу комнаты Монтале, причесывающуюся перед зеркалом и вступившую в переговоры с Маликорном.

Король распахнул дверь и стремительно вошел. Монтале вскрикнула и, узнав короля, убежала. Видя это, Лавальер было выпрямилась в кресле, но тотчас же снова упала на подушки.

Король медленно подошел к ней.

– Вы хотели аудиенции, мадемуазель, – холодно начал он ей, – я готов выслушать вас. Говорите.

Де Сент-Эньян, верный своей роли глухого, слепого и немого, затаился в углу подле двери на табурете, который точно нарочно был поставлен для него. Спрятавшись за портьеру, он исполнял роль верного сторожевого пса, охраняющего своего хозяина, но не беспокоящего его.

Пришедшая в ужас при виде раздраженного короля, Лавальер все же нашла силы встать и умоляюще взглянула на Людовика.

– Государь, – пробормотала она, – простите меня.

– За что же вас прощать, сударыня? – спросил Людовик XIV.

– Государь, я очень провинилась, больше того, я совершила преступление.

– Вы?

– Государь, я оскорбила ваше величество.

– Ничуть, – отвечал Людовик XIV.

– Государь, умоляю вас, не говорите со мной так сурово. Я чувствую, что я оскорбила вас. Но я объясню вам, что это было сделано мной неумышленно.

– Однако чем же, сударыня, – сказал король, – вы оскорбили меня? Я пока не могу понять. Шуткой юной девушки, шуткой совершенно наивной? Вы посмеялись над легковверным молодым человеком. Это вполне естественно; каждая женщина на вашем месте подшутила бы точно так же.

– О, ваше величество, вы уничтожаете меня этими словами.

– Почему же?

– Потому, что, если бы шутка исходила от меня, она не была бы невинной.

– Это все, что вы хотели сказать мне, прося у меня аудиенции?

И король сделал движение, как бы собираясь уйти.

Тогда Лавальер, шагнув к королю, отрывистым, прерывающимся голосом воскликнула:

– Ваше величество слышали все?

– Что все?

– Все, что было сказано мной под королевским дубом?

– Я не пропустил ни одного слова, мадемуазель.

– И, слушая меня, ваше величество могли подумать, что я злоупотребила вашим легковерием?

– Да, легковерием, это вы правильно сказали.

– Разве ваше величество не знает, что бедные девушки иногда бывают вынуждены повиноваться чужой воле?

– Простите, я не могу понять, каким образом та воля, которая, по всей вероятности, проявилась так свободно под королевским дубом, могла до такой степени подчиниться чужой воле.

– О, но угроза, государь?

– Угроза?.. Кто вам угрожал? Кто смел вам грозить?..

– Те, кто имеет на это право, государь.

– Я не признаю ни за кем права в моем королевстве угрожать.

– Простите меня, государь, даже около вашего величества есть люди, достаточно высокопоставленные, которые считают возможным погубить девушку без будущего, без состояния, не имеющую ничего, кроме доброго имени.

– Как же они могут погубить ее?

– Погубить ее репутацию, с позором изгнав ее.

– Мадемуазель, – проговорил король с глубокой горечью, – я не люблю людей, которые, оправдываясь, возводят на других напраслину.

– Государь!

– Да, мне тяжело слышать, что вместо открытого признания вы плетете передо мной сеть упреков и обвинений.

– Которым вы не придаете никакого значения?.. – воскликнула Луиза.

Король промолчал.

– Скажите же! – с горячностью повторила Лавальер.

– Мне грустно признаться в этом, – сказал король с холодным поклоном.

Девушка всплеснула руками.

– Значит, вы мне не верите? – спросила она.

Король ничего не ответил.

– Значит, вы предполагаете, что я, я... что это я задумала этот смешной, бесчестный заговор, чтобы так безрассудно посмеяться над вашим величеством?

– Боже мой, это совсем не смешно и не бесчестно, – возразил король, – это даже не заговор, просто довольно забавная шутка, и больше ничего.

– О! – в отчаянии прошептала Лавальер. – Король мне не верит! Король не хочет мне верить!

– Да, не хочу.

– Боже! Боже!

– Послушайте, что может быть естественнее? Представлю себя на вашем месте. Вот король идет за мной следом, подслушивает меня, подстерегает; король, может быть, хочет позабавиться надо мной; ну что же, а мы позабавимся над ним. И так как у короля есть сердце, уколем его в сердце.

Лавальер закрыла лицо руками, заглушая рыдания.

Людовик безжалостно продолжал говорить, вымещая на бедной жертве все, что он вытерпел сам:

– Придумаем же басню, скажем, что я люблю его, что я остановила на нем свой выбор. Король так наивен и так самонадеян, что поверит мне; тогда мы повсюду разболтаем об этой наивности короля и посмеемся над ним.

– О, – вскричала Лавальер, – думать так... это ужасно!

– Это еще не все, – продолжал король. – Если этот надменный король примет шутку всерьез, если он неосторожно выразит при других что-либо похожее на радость, вот тогда-то мы унизим его перед всем двором; то-то будет приятно рассказать об этом возлюбленному! Похождение государя, одураченного лукавой девушкой, – чем не приданое для

будущего мужа!

– Государь, – воскликнула в полном отчаянии Лавальер, – ни слова больше, умоляю вас! Разве вы не видите, что вы убиваете меня!

– О, это, возможно, была тонкая шутка, – прошептал король, уже начавший немного смягчаться.

Лавальер внезапно рухнула на колени, сильно ударившись о паркет.

– Государь, – молила она, ломая руки, – я предпочитаю позор предательству!

– Что вы делаете? – спросил король, но не шевельнул пальцем, чтобы поднять девушку.

– Государь, когда я пожертвую ради вас своей честью и своей жизнью, вы, может быть, поверите моей искренности. Рассказ, который вы слышали у принцессы, – ложь; а то, что я сказала под дубом...

– Ну?

– Только это и было правдой.

– Сударыня! – воскликнул король.

– Государь! – продолжала Лавальер, увлекаемая своим неистово пылким чувством. – Государь, если бы даже мне пришлось умереть от стыда на этом месте, я твердила бы до потери голоса: я повторяла бы, что люблю вас... я действительно люблю вас!

– Вы?!

– Я вас люблю, государь, с того дня, как я вас увидела, с

той минуты, как там, в Блуа, где я томила, ваш царственный взгляд, лучезарный и животворящий, упал на меня. Я вас люблю, государь! Я знаю: бедная девушка, любящая своего короля и признающаяся ему в этом, совершает оскорбление величества. Накажите меня за эту дерзость, презирайте за безрассудство, но никогда не говорите, никогда не думайте, что я посмеялась над вами, что я предала вас! Во мне течет кровь, верная королям, государь; и я люблю... люблю моего короля!.. Ах, я умираю!

И, лишившись сил, задыхаясь, она упала как подкошенная, подобно цветку, срезанному серпом жнеца, о котором рассказал Вергилий.

После этих слов, после этой горячей мольбы у короля не осталось ни досады, ни сомнений; все его сердце открылось навстречу жгучему дыханию этой любви, высказанной с таким благородством и таким мужеством.

Услышав это страстное признание, Людовик бессильно закрыл лицо руками. Но когда пальцы Лавальер ухватились за его руки и горячее пожатие влюбленной девушки согрело их, он сам воспламенился и, заключив Лавальер в объятия, поднял ее и прижал к сердцу.

Голова ее безжизненно приникла к его плечу.

Испуганный король подозвал де Сент-Эньяна.

Де Сент-Эньян, неподвижно сидевший в своем углу, подбежал, делая вид, что вытирает слезы. Он помог Людовику усадить девушку в кресло, попытался помочь ей, обрызгал

«водой венгерской королевы», повторяя при этом:

– Сударыня! Послушайте, сударыня! Успокойтесь! Король вам верит, король вас прощает. Да очнитесь же! Вы можете очень сильно разволновать короля, сударыня; его величество чувствительны, у его величества ведь тоже есть сердце. Ах, черт возьми! Сударыня, извольте обратить ваше внимание, король очень побледнел!

Но Лавальер не приходила в сознание.

– Сударыня, сударыня! – продолжал де Сент-Эньян. – Да очнитесь же наконец, прошу вас, умоляю! Подумайте: если королю сделается дурно, мне придется звать врача. Ах, какое несчастье, боже мой! Дорогая, да очнитесь же! Сделайте усилие, живее, живее!

Трудно было говорить более красноречиво и более убедительно, чем де Сент-Эньян, но нечто более сильное, чем это красноречие, привело Лавальер в чувство.

Король опустил перед ней на колени и стал покрывать ее руки жгучими поцелуями. Она наконец пришла в себя, открыла глаза, в которых едва теплилась жизнь, и прошептала:

– О, государь, значит, ваше величество прощаете меня?

Король не отвечал... Он был слишком взволнован.

Де Сент-Эньян счел своим долгом снова отойти. Он увидел, что в глазах его величества зажглось пламя.

Лавальер встала.

– А теперь, государь, – мужественно произнесла она, – теперь, когда я оправдалась, по крайней мере в глазах ваше-

го величества, разрешите мне удалиться в монастырь. Там я буду благословлять моего короля всю жизнь и умру, прославляя Бога, который даровал мне один день счастья.

– Нет, нет, – отвечал король, – вы будете жить здесь, благословляя Бога и любя Людовика, который устроит вам жизнь, полную блаженства, который вас любит и клянется вам в этом!

– О государь, государь!..

Чтобы рассеять сомнения Лавальер, король стал целовать ее с таким жаром, что де Сент-Эньян поспешил скрыться за портьерой.

Эти поцелуи, которые она сначала не имела силы отвергнуть, воспламенили молодую девушку.

– О государь! – воскликнула она. – Не заставляйте меня раскаяться в моей откровенности, ибо это доказало бы мне, что ваше величество все еще презираете меня.

– Сударыня, – сказал король, почтительно отступив от нее, – никого в мире я не люблю и не уважаю так, как вас. И отныне никто при моем дворе, клянусь вам, не будет окружен таким почетом, как вы. Прошу вас простить мой порыв, сударыня, рожденный избытком любви, но я еще лучше докажу вам ее силу, оказывая вам все уважение, какого вы можете пожелать.

Затем, поклонившись ей, спросил:

– Сударыня, вы разрешите запечатлеть поцелуй на вашей руке?

И он почтительно коснулся губами дрожащей руки молодой девушки.

– Отныне, – продолжил Людовик, выпрямляясь и лаская Лавальер взглядом, – отныне вы под моим покровительством. Никогда не говорите никому о зле, которое я вам причинил, и простите других за то, что они сделали вам. Теперь вы будете стоять настолько выше их, что они не только не внушат вам ни тени страха, но будут возбуждать у вас даже жалость.

И, сделав почтительный поклон, точно перед выходом из храма, король позвал де Сент-Эньяна.

– Граф, – сказал он, – надеюсь, что мадемуазель согласится удостоить вас некоторой долей своей благосклонности взамен той дружбы, которую я навеки дарю ей.

Де Сент-Эньян преклонил колено перед Лавальер.

– Как я буду счастлив, – прошептал он, – если мадемуазель удостоит меня этой чести!

– Я пошлю вам вашу подругу, – произнес король. – Прощайте, мадемуазель, или, лучше, – до свидания!

И король весело удалился, увлекая за собой де Сент-Эньяна.

Принцесса не предвидела такой развязки. Ни наяда, ни дриада ничего не могли рассказать ей об этом.

II

Новый генерал ордена иезуитов

В то время как Лавальер и король соединяли в первом признании печали прошлого, счастье текущей минуты и надежды на будущее, Фуке, вернувшись домой, то есть в апартаменты, отведенные ему в замке, разговаривал с Арамисом обо всем том, чем король в данную минуту пренебрегал.

– Скажите мне, – начал Фуке, усадив своего гостя в кресло и сам усевшись рядом, – скажите мне, господин д'Эрбле, как идут дела в Бель-Иле, есть у вас оттуда какие-нибудь известия?

– Господин суперинтендант, – отвечал Арамис, – там все идет согласно нашим желаниям; все расходы оплачены, ни один из наших планов не обнаружен.

– А гарнизон, который король собирался поставить там?

– Сегодня утром я узнал, что он прибыл туда уже две недели назад.

– А как его там приняли?

– Прекрасно.

– А куда перевели прежний гарнизон?

– Он высадился в Сарзо, и оттуда его немедленно отправили в Кемпер.

– А новый гарнизон?

– Он уже наш.

– Вы уверены в том, что говорите, епископ?

– Уверен. И вы сейчас узнаете, как все это произошло.

– Но ведь из всех гарнизонных стоянок Бель-Иль самая худшая?

– Знаю – и действую сообразно с этим. Там ведь теснота, отрезанность от мира, нет женщин, нет игорных домов. А в наше время, – прибавил Арамис со свойственной только ему одному улыбкой, – очень грустно видеть, до чего молодые люди жаждут развлечений и, следовательно, до чего им начинают нравиться те, кто дает им возможность повеселиться.

– А если они будут развлекаться в Бель-Иле?

– Если они будут развлекаться благодаря королю, они отдадут сердце королю; если же они будут скучать из-за короля, а развлекаться по милости господина Фуке, они полюбят господина Фуке.

– А вы предупредили моего интенданта, чтобы немедленно по их прибытии...

– Нет: мы дали им поскучать с недельку, пока они не взвыли, говоря, что прежние офицеры имели больше развлечений, чем они. Тогда им было сказано, что прежние офицеры умели завязать дружбу с господином Фуке и что господин Фуке, видя в них своих друзей, приложил все старания, чтобы они не скучали в его владениях. Они задумались. Но интендант тотчас же прибавил, что хотя ему и неизвестно рас-

поряжение господина Фуке, он все же достаточно знает своего господина и с уверенностью может сказать, что каждый дворянин, состоящий на службе короля, интересуется его. И хотя новоприбывшие пока неизвестны ему, он готов сделать для них то же, что делал и для других.

– Чудесно! И, надеюсь, обещания были выполнены? Ведь вы знаете, я не хочу, чтобы от моего имени давались пустые обещания.

– После этого в распоряжение офицеров были предоставлены два судна и лошади; им были вручены ключи от главного здания; теперь они устраивают там охоту и катаются с бель-ильскими дамами, по крайней мере, с теми из них, которые не боятся морской болезни.

– Ну а солдаты?

– Все относительно, вы понимаете. Солдатам дают вино, превосходную пищу и большое жалованье. Значит, мы можем положиться на этот гарнизон.

– Хорошо.

– Отсюда следует, что если каждые два месяца у нас будут менять гарнизон, то за два года вся армия перебивает в Бель-Иле. Тогда за нас будет не один полк, а пятьдесят тысяч человек.

– Я хорошо знал, – сказал Фуке, – что никто, кроме вас, господин д'Эрбле, не может быть таким драгоценным, таким незаменимым другом, но при всем этом, – прибавил он, рассмеявшись, – мы забываем нашего друга дю Валлона. Что с

ним? В течение трех дней, которые я провел в Сен-Манде, признаюсь, я забыл обо всем на свете.

– Но я не забыл, – отвечал Арамис. – Портос в Сен-Манде; его там ублажают как нельзя лучше, кормят изысканно, подают тонкие вина; он гуляет в маленьком парке, открытом только для вас одного; он им пользуется. Он упражняет свои мышцы, сгибая молодые вязы или ломая старые дубы, как Милон Кротонский¹, а так как в парке нет львов, то мы, вероятно, застанем его невредимым. Наш Портос – храбрец!

– Да, но он в конце концов соскучится, начнет спрашивать.

– Он ни с кем не видится.

– Но ведь он же чего-нибудь ждет, на что-нибудь надеется?

– Я внушил ему одну надежду, и он живет ею.

– Какую же?

– Быть представленным королю.

– Ого! В качестве кого?

– В качестве инженера Бель-Иля, черт возьми!

– Значит, нужно, чтобы он поскорее вернулся в Бель-Иль?

– Обязательно; я даже думаю отослать его туда как можно скорее. Портос – представительная личность; только д'Артаньян, Атос и я знаем его слабости. Портос никому не доверя-

¹ Милон Кротонский – знаменитый греческий борец, шесть раз побеждавший на Олимпийских играх в период 532–516 гг. до н. э. Согласно легенде, ослабевшему под старость атлету при попытке расщепить дерево зажалю руки, и он был съеден львами.

ется, он исполнен достоинства; на офицеров он произведет впечатление паладина времен крестовых походов. Он напоит весь главный штаб, не пьянея сам, и станет предметом общего удивления и симпатии, затем, если бы вам понадобилось какое-нибудь приказание, Портос – воплощенный приказ: всякий вынужден будет исполнить то, что он пожелает.

– Так отошлите его.

– Это как раз то, чего я хочу, но только отправлю его через несколько дней, ибо мне нужно сказать вам одну вещь.

– Какую?

– Я не доверяю д'Артаньяну. Как вы могли заметить, его нет в Фонтенбло, а д'Артаньян никогда не уезжает попусту. Поэтому теперь, покончив со своими делами, я постараюсь узнать, что за дела у д'Артаньяна.

– Вы все уладили?

– Да.

– Вы счастливец, хотелось бы и мне сказать то же.

– Надеюсь, что вас ничто не тревожит?

– Гм!

– В таком случае, – произнес Арамис со свойственной ему последовательностью в мыслях, – в таком случае мы можем подумать о том, что я говорил вам вчера по поводу малютки.

– Какой?

– По поводу де Лавальер.

– Ах, правда!

– Вам не противно поухаживать за этой девушкой?

– Этому мешает только одно.

– Что?

– Мое сердце занято другой, и я ровно ничего не чувствую к этой девушке.

– Ужасно, если занято сердце в то время, когда так нужна голова.

– Вы правы. Но вы видите, что по первому же вашему слову я все бросил. Однако вернемся к малютке. Какую пользу вы видите в том, чтобы я занялся ею?

– Видите ли, говорят, что король заинтересовался ею.

– А вы считаете, это неправда? Ведь вы все знаете.

– Я знаю, что король внезапно изменился; еще третьего дня он пылал страстью к принцессе, и несколько дней тому назад принц жаловался на это королеве-матери, происходили супружеские недоразумения и слышалось материнское брюзжание.

– Откуда вам все это известно?

– Доподлинно известно!

– Что же из этого следует?

– А то, что после этих недоразумений, этого брюзжания король вдруг перестал разговаривать с ее высочеством.

– А дальше?

– Дальше он занялся де Лавальер. Мадемуазель де Лавальер – фрейлина принцессы. Знаете ли вы, что в любви называют прикрытием?

– Конечно.

– Так вот, мадемуазель де Лавальер служит прикрытием принцессы. Воспользуйтесь этой ситуацией. Раненое самолюбие облегчит победу; тайны короля и принцессы будут в руках малютки. А вы знаете, что умный человек делает с тайнами?

– Но как подступиться к ней?

– И это спрашиваете у меня вы? – удивился Арамис.

– Спрашиваю, потому что у меня нет времени заниматься ею.

– Она бедна, скромна, вы создадите ей положение: покорит ли она себе короля как фаворитка или же просто приблизится к нему как поверенная его тайн, в ней вы приобретете верного человека.

– Хорошо, – сказал Фуке. – Что же мне предпринять в отношении этой малютки?

– А что вы предпринимали, когда хотели понравиться женщине, господин суперинтендант?

– Писал ей. Объяснялся в любви. Предлагал ей свои услуги и подписывался: Фуке.

– И ни одна не оказала сопротивления?

– Только одна, – отвечал Фуке. – Но четыре дня тому назад и она сдалась, как все остальные.

– Не будете ли вы добры написать несколько слов? – улыбнулся Арамис, подавая Фуке перо.

Фуке взял его.

– Диктуйте, – попросил он. – Моя голова до того занята

другими делами, что я не в состоянии сочинить двух строчек.

– Идет, – согласился Арамис, – пишите.

И он продиктовал:

«Сударыня, я видел вас, и вы не удивитесь, что я считаю вас красавицей. Но из-за отсутствия положения, достойного вас, вы только прозябаете при дворе.

Если вы хотя бы немного честолюбивы, то любовь порядочного человека послужит опорой для вашего ума и ваших прелестей.

Приношу мою любовь к вашим ногам; но так как даже самая благоговейная и окруженная тайнами любовь может скомпрометировать предмет своего культа, то такой достойной особе не подобает подвергать опасности свою репутацию, не получив взамен гарантий, обеспечивающих ее будущее.

Если вы соблаговолите ответить на мою любовь, то она сумеет доказать вам свою признательность, сделав вас навсегда свободной и независимой».

Написав это письмо, Фуке взглянул на Арамиса.

– Подпишите.

– Нужно ли это?

– Ваша подпись на письме стоит миллиона. Вы забываете это, дорогой суперинтендант.

Фуке подписался.

– С кем вы пошлете письмо? – спросил Арамис.

– Со своим лакеем.

– Вы ему полностью доверяете?

– Это испытанный человек. Впрочем, мы ведем игру без риска.

– Почему?

– Если правда то, что вы говорите об услугах этой малютки королю и принцессе, то король даст ей денег, сколько она пожелает.

– Так, значит, у короля есть деньги? – удивился Арамис.

– Вероятно, да, потому что у меня он их не просит.

– Попросит, будьте спокойны!

– Больше того: я думал, что он заговорит со мной о празднике в Во.

– И что же?

– Он даже не заикнулся.

– Еще заговорит.

– Вы считаете короля очень жестоким, дорогой д'Эрбле.

– Не его.

– Он молод, следовательно, добр.

– Он молод, следовательно, слаб и подвержен страстям. И господин Кольбер держит в своих грязных лапах его слабости и его страсти.

– Я вижу, что вы боитесь его.

– Я не отрицаю.

– В таком случае я пропал.

– Почему же?

– Я пользовался влиянием у короля только благодаря деньгам.

– Ну и что?

– Я разорен.

– Нет!

– Как нет? Разве вы знаете мои дела лучше меня?

– Может быть.

– А что, если он потребует от меня этот праздник?

– Вы дадите его.

– А деньги?

– Разве их у вас когда-нибудь не хватало?

– О, если бы вы знали, какой ценой я раздобыл деньги в последний раз!

– Следующая сумма не будет стоить вам труда.

– Кто же мне ее даст?

– Я.

– Вы дадите мне шесть миллионов?.. Что вы говорите?..

Шесть миллионов?!

– Если понадобится, то и десять.

– Право, дорогой д’Эрбле, – сказал Фуке, – ваша самоуверенность пугает меня больше, чем гнев короля.

– Пустое!

– Кто же вы такой?

– Кажется, вы меня знаете.

– Я ошибаюсь в вас; чего же вы хотите?

– Я хочу видеть на троне Франции короля, который был бы предан господину Фуке, и хочу, чтобы господин Фуке был предан мне.

– О! – воскликнул Фуке, пожимая руку Арамиса. – Что касается моей преданности, то я весь ваш, но, дорогой д’Эрбле, вы заблуждаетесь.

– В чем?

– Король никогда не будет мне предан.

– Мне кажется, я не говорил, что король должен быть вам предан.

– Но вы только что сами это сказали.

– Я не говорил – этот король, я сказал – король вообще.

– Разве это не одно и то же?

– Нет, это совершенно разные вещи.

– Не понимаю.

– Сейчас поймете. Предположите, что король у нас не Людовик Четырнадцатый.

– Не Людовик Четырнадцатый?

– Нет, а человек, всецело зависящий от вас.

– Это немислимо.

– Даже обязанный вам тронном.

– Вы с ума сошли! Только Людовик Четырнадцатый может сидеть на французском престоле. Я не вижу никого, кто мог бы заменить его.

– А я вижу.

– Разве что принц, брат короля, – сказал Фуке, с беспокойством поглядывая на Арамиса. – Но принц...

– Нет, не принц.

– Как же вы хотите, чтобы принц не королевской крови... как вы хотите, чтобы принц, не имеющий никакого права...

– Мой король, или, вернее, ваш король, будет обладать всеми необходимыми качествами, поверьте мне.

– Берегитесь, господин д'Эрбле, берегитесь, вы повергаете меня в трепет, у меня голова идет кругом.

Арамис улыбнулся:

– Какой, однако, пустяк повергает вас в трепет.

– Повторяю, вы меня пугаете.

Арамис снова улыбнулся.

– Вы смеетесь? – спросил Фуке.

– Придет время, когда вы тоже посмеетесь. Пока же я буду смеяться один.

– Объяснитесь.

– Когда придет время, я объясню вам все, будьте спокойны. Вы не апостол Петр, а я не Христос, однако я скажу вам: «Маловажный, зачем ты усомнился?»

– Ах, боже мой, я сомневаюсь... я сомневаюсь, потому что ничего не вижу.

– Значит, вы слепы. В таком случае я обращусь к вам не как к апостолу Петру, а как к апостолу Павлу: «Наступит день, когда глаза твои откроются».

– О, как я хотел бы верить! – вздохнул Фуке.

– Вы не верите? А ведь я десять раз провел вас над бездной, в которую вы один низверглись бы; ведь из генерального прокурора вы сделали интендантом, из интенданта первым министром, из первого министра дворцовым мэром. Нет, нет, – прибавил Арамис со своей неизменной улыбкой, – нет, вы не можете видеть и, значит, не можете верить. – С этими словами Арамис встал, собираясь уходить.

– Одно только слово, – остановил его Фуке. – Вы никогда еще не говорили со мной так, не выказывали такой уверенности, или, точнее сказать, такой дерзости.

– Для того чтобы говорить громко, нужно иметь свободу голоса.

– И она у вас есть?

– Да.

– С каких же пор?

– Со вчерашнего дня.

– О, господин д'Эрбле, берегитесь, вы слишком самонадеянны!

– Как же не быть самонадеянным, имея в руках власть?

– Так у вас есть власть?

– Я уже предлагал вам десять миллионов и снова предлагаю их.

Взволнованный Фуке тоже встал.

– Ничего не понимаю! Вы сказали, что собираетесь свергать королей и возводить на трон других. Я, должно быть, с ума сошел, или мне все это слышалось.

– Нет, вы не сошли с ума, я действительно говорил все это.

– Как же вы могли сказать подобные вещи?

– Можно с полным правом говорить о низвержении тронов и о возведении на них новых королей, когда стоишь выше королей и тронов... земных.

– Так вы всемогущи? – воскликнул Фуке.

– Я сказал вам это и снова повторяю, – отвечал Арамис дрожащим голосом; глаза его блестели.

Фуке бессильно опустил в кресло и сжал голову руками. Арамис несколько мгновений смотрел на него, словно ангел человеческих судеб, взирающий на простого смертного.

– Прощайте, – произнес он наконец, – отошлите письмо де Лавальер и спите спокойно. Завтра увидимся, не так ли?

– Да, завтра, – отвечал Фуке, тряхнув головой, точно человек, приходящий в себя, – но где же мы увидимся?

– Во время прогулки короля, если вам угодно.

– Отлично.

И они расстались.

III

Гроза

На другой день с утра было пасмурно, сумрачно. Так как в этот день была назначена прогулка короля, то всякий, открывая глаза, прежде всего устремлял взор на небо.

Вершины деревьев окутывал густой душный туман, и солнце, едва заметное сквозь тяжелую пелену, не в силах было рассеять его. Росы не было. Газоны стояли сухие, цветы жаждали влаги. Птицы пели сдержаннее, чем обычно, среди неподвижной, точно застывшей листвы. Не слышно было шороха и шума, этого дыхания природы, порождаемого солнцем. Стояла мертвая тишина.

Проснувшись и взглянув в окно, король был поражен сумрачностью природы. Однако все распоряжения были сделаны, все было приготовлено, и, главное, Людовик очень рассчитывал на эту прогулку, которая сулила ему много заманчивого, поэтому он без колебаний решил, что погода не имеет никакого значения, и так как прогулка назначена, она должна состояться.

Впрочем, в некоторых излюбленных Богом земных царствах бывают часы, когда кажется, будто воля земного короля влияет на волю божественную. У Августа был Верги-

лий, говоривший: «Nocte puit tota redeunt spectacula mane»². У Людовика XIV был Буало, правда, говоривший совсем о другом, и Бог, относившийся к нему почти так же милостиво, как Юпитер к Августу.

Людовик, как обычно, прослушал мессу, хотя, по правде говоря, воспоминание об одном создании сильно отвлекало его от мыслей о Создателе. Во время службы он не раз принимался считать минуты и даже секунды, отделявшие его от счастливого мгновения, когда должна была начаться прогулка, то есть того мгновения, когда в аллее должна была появиться принцесса с фрейлинами.

Само собой разумеется, что никто в замке не знал о ночном свидании короля и Лавальер. Может быть, болтливая Монтале и разгласила бы о нем, но на этот раз ее удержал Маликорн, предупредивший, что болтливость будет не в ее интересах.

Что же касается Людовика XIV, то он был так счастлив, что простил или почти простил принцессе ее вчерашнюю выходку. В самом деле, он должен был скорее быть довольным ею. Не будь этой злой шалости, он не получил бы письма от Лавальер; не будь этого письма, не было бы аудиенции, а не будь этой аудиенции, он оставался бы в неизвестности. Его сердце было так переполнено блаженством, что там не оставалось места для досады, по крайней мере, в данную минуту.

Итак, вместо того чтобы нахмуриться при виде невестки,

² Всю ночь идет дождь, утром возвращаются зрелища (*лат.*).

Людовик решил обойтись с нею еще дружелюбнее и любезнее, чем обычно. Однако лишь при одном условии – что она не заставит себя долго ждать.

Вот о чем думал Людовик, слушая мессу, вот что заставляло его забывать во время церковной службы о вещах, над которыми ему следовало размышлять в качестве христианнейшего короля и старшего сына церкви.

Но Бог так снисходителен к юным заблуждениям, и все, что касается любви, даже любви греховной, так отечески им поощряется, что, выйдя от мессы и подняв глаза к небу, Людовик увидел сквозь разрывы в низких облаках уголок лазурного ковра, разостланного под ногами господними.

Он вернулся в замок, так как прогулка была назначена в полдень, а часы показывали только десять, усердно принялся за работу с Кольбером и Лионом.

Во время работы Людовик медленно расхаживал от стола к окну, выходявшему на павильон принцессы. Он заметил поэтому на дворе господина Фуке, которого почтительно приветствовали придворные, узнавшие о вчерашней аудиенции. Фуке с любезным и счастливым видом направился, в свою очередь, приветствовать короля.

Завидев Фуке, король инстинктивно обернулся к Кольберу. Кольбер улыбнулся и, казалось, тоже был весь полон любезности и ликования. Это приятное настроение охватило его после того, как один из его секретарей вручил ему бумажник, который он, не открывая, спрятал в глубокий кар-

ман своих штанов.

Но так как в радости Кольбера всегда содержалось что-то зловещее, то из двух улыбок Людовик предпочел улыбку Фуке. Он знаком приказал суперинтенданту войти, затем обратился к Лиону и Кольберу:

– Закончите эту работу и положите ее на мой письменный стол, я прочту бумаги на свежую голову.

И король ушел.

По знаку Людовика XIV Фуке быстро поднялся по лестнице. Арамис же, сопровождавший суперинтенданта, затерялся в толпе придворных, так что король даже его не заметил.

Король встретился с Фуке на верхних ступенях лестницы.

– Государь, – сказал Фуке, видя приветливую улыбку на лице Людовика, – вот уже несколько дней ваше величество осыпает меня милостями. Теперь не юный король царствует во Франции, а юный бог, бог наслаждения, счастья и любви.

Король покраснел. Compliment был очень лестным, но он слишком точно бил в цель.

Король проводил Фуке в маленький салон между рабочим кабинетом и спальней.

– Знаете ли, почему я вас позвал? – спросил король, садясь на подоконник, чтобы не упустить из виду цветник, куда выходили вторые двери из павильона принцессы.

– Нет, государь... но уверен, что для чего-нибудь приятного, судя по милостивой улыбке вашего величества.

– Вам так кажется?

– Нет, государь, я вижу это.

– В таком случае вы, ошибаетесь.

– Я, государь?

– Да, я призвал вас, напротив, чтобы поссориться с вами.

– Со мной, государь?

– С вами, и очень серьезно.

– Право, ваше величество пугаете меня... Но я готов слушать, уверенный в справедливости и доброте вашего величества.

– Говорят, господин Фуке, что вы затеваете большой праздник в Во?

Фуке натянуто улыбнулся, как больной, ощутивший первые симптомы забытой им и возвращающейся лихорадки.

– И вы не приглашаете меня? – продолжал король.

– Государь, – отвечал Фуке, – я не думал об этом празднике, и только вчера вечером один из моих друзей (Фуке подчеркнул эти слова) напомнил мне о нем.

– Но ведь вчера вечером я вас видел, и вы ничего не сказали мне об этом, господин Фуке.

– Государь, мог ли я надеяться, что ваше величество спуститесь со своих царственных высот и удостоите своим посещением мое жилище?

– Простите, господин Фуке, вы ни слова не говорили мне о вашем празднике.

– Повторяю, я ничего не сказал об этом празднике королю, во-первых, потому, что еще ничего не было решено, а

во-вторых, я боялся отказа.

– Что же заставило вас бояться отказа, господин Фуке? Берегитесь, я решил до конца выпросить вас.

– Горячее желание получить согласие короля на мое приглашение.

– Хорошо, господин Фуке, я вижу, что нам очень легко прийти к согласию. Вы горите желанием пригласить меня на свой праздник, а я горю желанием побывать на нем. Начинайте же, я приму ваше приглашение.

– Как! Ваше величество соблаговолите принять его? – пролепетал суперинтендант.

– Право, – засмеялся король, – выходит, как будто я не только принимаю приглашение, но сам напрашиваюсь.

– Ваше величество удостаиваете меня величайшей чести! – воскликнул Фуке. – Но я вынужден повторить слова господина де Ла Вьевиля³, обращенные к вашему деду, Генриху Четвертому: «Государь, я недостойн»⁴.

– А я отвечу, господин Фуке, что, если вы устроите праздник, я приду к вам даже без приглашения.

– Благодарю вас, ваше величество, благодарю, – сказал Фуке, поднимая голову при вести об этой милости, которая,

³ *Ла Вьевиль Робер* (?—1612) – придворный французского короля Генриха IV, маркиз.

⁴ *...Государь, я не достоин.* – Традиционная фраза, произносимая на латыни при награждении. Случай, описываемый Дюма, завершился довольно комично. Выслушав Ла Вьевиля, Генрих IV пошутил: «Я это знаю, да меня племянник попросил».

как он понимал, должна была его разорить. – Но кто же предупредил ваше величество?

– Молва, господин Фуке; рассказывают чудеса о вас и о вашем доме. Вы возгордитесь, господин Фуке, если узнаете, что король ревнует к вам?

– Это сделает меня счастливейшим из смертных, государь, потому что в тот день, когда король воспылет ревностью к владельцу Во, у того найдется подарок, достойный короля.

– Итак, господин Фуке, устраивайте праздник и распахните настежь двери вашего дома.

– Я прошу ваше величество назначить день, – отвечал Фуке.

– Ровно через месяц.

– Вашему величеству не угодно выразить еще какое-нибудь желание?

– Нет, господин суперинтендант. Я хочу только почаще видеть вас рядом с собою.

– Государь, я имею честь принять участие в прогулке вашего величества.

– Отлично; так я ухажу, господин Фуке. А вот и дамы собираются.

Произнеся эти слова, король с пылкостью влюбленного юноши побежал от окна за перчатками и тростью, которые подал ему камердинер.

Со двора доносился топот лошадей и шум колес по усыпанному песком двору.

Король спустился по лестнице. Когда он появился на крыльце, все придворные замерли. Король пошел прямо к молодой королеве. Что касается королевы-матери, то, чувствуя себя нездоровой, она не пожелала выезжать. Мария-Терезия села в карету вместе с принцессой и спросила у короля, куда ему будет угодно ехать.

Как раз в этот момент король увидел Лавальер, усталую и бледную после вчерашних событий; она садилась в коляску с тремя подругами. Людовик рассеянно ответил королеве, что ему все равно, куда ехать, и что он будет чувствовать себя хорошо всюду, где будет королева.

Тогда королева приказала стремянным ехать в сторону Апремона.

Стремянные поскакали вперед.

Король сел на лошадь. Несколько минут он ехал рядом с каретой королевы и принцессы, держась у дверцы.

Небо прояснилось, однако в воздухе висела какая-то дымка, похожая на грязную кисею. В солнечных лучах кружились блестящие пылинки. Стояла удушливая жара. Но так как король, по-видимому, не обращал внимания на погоду, то она не тревожила и остальных, и кортеж по приказанию королевы направился к Апремону.

Толпа придворных шумела и была весела, видно было, что каждый хотел забыть язвительные речи, раздававшиеся накануне.

Особенно очаровательной была принцесса. В самом деле,

она видела короля у дверцы и, поскольку ей не приходило в голову, что он едет возле кареты ради королевы, надеялась, что ее рыцарь вернулся к ней.

Но через какие-нибудь четверть лье король милостиво улыбнулся, поклонился, приостановил лошадь и пропустил вперед карету королевы, затем карету старших фрейлин, а затем и прочие экипажи, которые, видя, что король не трогается с места, хотели также остановиться. Но король подал им знак продолжать путь.

Когда коляска, в которой сидела Лавальер, поравнялась с ним, король приблизился к ней. Король поклонился дамам и собирался ехать рядом с коляской фрейлин, как он ехал рядом с каретой принцессы, как вдруг весь кортеж разом остановился. Очевидно, королева, обеспокоенная отсутствием короля, отдала приказ подождать его.

Король велел спросить, зачем она это сделала.

– Хочу пройтись пешком, – был ответ.

Она, очевидно, надеялась, что король, ехавший верхом у коляски фрейлин, не решится идти пешком вместе с ними.

Вокруг был лес. Прогулка обещала быть прекрасной, особенно для мечтателей и для влюбленных.

Три красивые аллеи, длинные, тенистые и извилистые, расходились в разные стороны от места, на котором процессия остановилась. Сквозь кружево листвы виднелись кусочки голубого неба.

В глубине аллей то и дело пробегали испуганные дикие

козы, на секунду останавливались посреди дороги, подняв голову, затем мчались как стрелы, одним прыжком скрываясь в чаще леса; время от времени кролик-философ, сидя на задних лапках, потирал передними мордочку и нюхал воздух, чтобы узнать, не бежит ли собака за этими людьми, потревожившими его размышления, его обед и его любовные дела, и нет ли у кого-нибудь из них ружья под мышкой.

Вслед за королевой все общество вышло из карет. Мария-Терезия оперлась на руку одной из фрейлин и, искоса взглянув на короля, который, по-видимому, совсем не заметил, что является предметом внимания королевы, углубилась в лес по первой же тропинке, открывшейся перед ней. Перед ее величеством шли двое стремянных, они палками приподнимали ветки и раздвигали кусты, загораживавшие дорогу.

Выйдя из кареты, принцесса увидела рядом де Гиша, который поклонился ей и предложил свои услуги.

Принц, восхищенный вчерашним купанием, объявил, что идет к реке, и, отпустив де Гиша, остался в замке с шевалье де Лорреном и Маниканом. Он больше не испытывал и тени ревности. Поэтому его напрасно искали в кортеже. Впрочем, принц редко принимал участие в общих развлечениях, так что его отсутствие, скорее всех, обрадовало, чем огорчило.

По примеру королевы и принцессы каждый устроился на свой вкус. Как мы сказали, король был возле Лавальер. Соскочив с лошади, когда отворилась дверца коляски, он пред-

ложил ей руку. Монтале и Тонне-Шарант тотчас же отошли в сторону, первая – из корыстных соображений, а другая – из скромности, одна хотела сделать приятное королю, другая досадить ему.

В течение последнего полчаса погода тоже приняла решение: висевшая в воздухе дымка мало-помалу сгустилась на западе, потом, как бы увлекаемая течением воздуха, стала медленно и тяжело приближаться. Чувствовалось приближение грозы, но так как король не замечал этого, то и никто не считал себя вправе ее заметить.

Поэтому прогулка продолжалась. Некоторые, впрочем, время от времени поднимали глаза к небу. Более робкие прогуливались у экипажей, в которых они надеялись укрыться в случае грозы. Но большая часть кортежа, видя, что король отважно углубился в лес с Лавальер, последовала за королем.

Заметив это, король взял Лавальер под руку и увлек на боковую тропинку, куда уже никто не посмел пойти за ним.

IV

Дождь

В том же направлении, куда пошли король и Лавальер, но только не по дорожке, а прямо через лес, шагали двое людей, совершенно равнодушных к надвигавшейся туче. Они шли, наклонив головы, точно обдумывая что-то серьезное. Они не видели ни де Гиша, ни принцессы, ни короля, ни Лавальер.

Вдруг молния озарила небо, и раздался глухой и отдаленный раскат грома.

– Ах, – заметил один из спутников, поднимая голову, – начинается гроза: не вернуться ли нам в карету, дорогой д’Эрбле?

Арамис поднял глаза и взглянул на тучу.

– О, не стоит торопиться! – сказал он. – И, продолжая прерванный разговор, добавил: – Итак, вы думаете, что наше вчерашнее письмо сейчас уже дошло по назначению?

– Я уверен в этом.

– Кому вы поручили доставить его?

– Моему испытанному слуге, как я уже имел честь сообщить вам.

– Он принес ответ?

– Я еще не видел его; вероятно, малютка дежурила у принцессы или одевалась и заставила его подождать. Нужно бы-

ло уезжать, и мы уехали. Поэтому мне неизвестно, что там произошло.

– Вы видели короля перед отъездом?

– Да.

– Как вы его нашли?

– Безупречным или бесчестным, судя по тому, говорил ли он правду или лицемерил.

– А праздник?

– Состоится через месяц.

– Он напросился?

– С такой навязчивостью, что я чувствую тут наущение Кольбера.

– Я тоже так думаю.

– Ночь не рассеяла ваших иллюзий?

– Каких иллюзий?

– Относительно помощи, которую вы можете оказать мне в этом случае?

– Нет, я всю ночь писал, и все распоряжения отданы.

– Праздник обойдется мне в несколько миллионов. Не забывайте этого.

– Я даю шесть... На всякий случай и вы раздобудьте два или три.

– Вы чародей, дорогой д'Эрбле!

Арамис улыбнулся.

– Но раз вы швыряете миллионы, – произнес Фуке с тревогой, – так почему же несколько дней назад вы не дали Без-

мо пятьдесят тысяч франков?

– Потому, что несколько дней назад я был беден как Иов⁵.

– А сегодня?

– Сегодня я богаче короля.

– Отлично, – кивнул Фуке, – я умею разбираться в людях.

Я знаю, что вы не способны нарушить слово; я не хочу вырывать у вас вашу тайну; не будем больше говорить об этом.

В этот момент послышался глухой раскат, вскоре превратившийся в страшный удар грома.

– Ого! – воскликнул Фуке. – Я же говорил вам!

– В таком случае, вернемся к каретам.

– Не успеем, – возразил Фуке. – Начинается дождь.

Действительно, небо, казалось, разверзлось, и крупные капли зашумели по вершинам деревьев.

– Ну, – сказал Арамис, – у нас есть время дойти до экипажа раньше, чем дождь проникнет сквозь листья.

– Лучше бы спрятаться в каком-нибудь гроте.

– Это верно, но есть ли тут грот? – спросил Арамис.

– Есть. В десяти шагах отсюда, – с улыбкой отвечал Фуке. – Да вот и он! – прибавил он, оглядевшись.

– Вы счастливец, имея такую хорошую память, – улыбнулся в ответ Арамис. – А вы не бойтесь, что ваш кучер, не видя нас, вообразит, будто мы пошли окольной дорогой, и поедет

⁵ Иов – невинный страдалец в одноименной книге Ветхого Завета. Согласно Библии, Иов по предложению сатаны был лишен благословения Бога и потерял все земные блага, детей и здоровье с целью испытать его веру. Но Иов остался верен и покорен Богу, за что был вознагражден возвратом утраченного.

за придворными каретами?

– Нет, не боюсь; если я оставляю где-нибудь кучера и экипаж, то он двинется с места разве только по особому приказанию короля, да и то не наверное; к тому же, мне кажется, мы не одни зашли так далеко. Я слышу шаги и шум голосов.

Произнося эти слова, Фуке оглянулся и раздвинул тростью густую листву, скрывавшую от них тропинку. Арамис одновременно с ним заглянул в образовавшийся разрыв.

– Женщина! – воскликнул Арамис.

– Мужчина! – воскликнул Фуке.

– Лавальер!

– Король!

– Ого! – сказал Арамис. – Неужели и король знает ваш грот? Это меня не удивило бы; ведь у него существуют довольно налаженные отношения с нимфами Фонтенбло.

– Не беда! – отозвался Фуке. – Войдем туда, если король не знает его, будем наблюдать, что произойдет. Если же знает, то – так как в гроте два выхода, – когда он войдет через один, мы выйдем через другой.

– А далеко еще туда? – спросил Арамис. – Дождь уже начинает капать сквозь листья.

– Мы пришли.

Фуке приподнял ветки, и в скале можно было заметить углубление, совершенно закрытое вереском и плющом.

Фуке показал дорогу. Арамис пошел за ним.

Входя в грот, Арамис оглянулся.

– О, да они тоже идут в эту сторону!

– В таком случае, уступим им место, – улыбнулся Фуке и потянул Арамиса за плащ. – Не думаю, однако, чтобы король знал мой грот.

– Действительно, – сказал Арамис, – они что-то ищут. Им надобно ветвистое дерево, вот и все.

Арамис не ошибался: король смотрел вверх, а не вокруг себя. Он держал Лавальер под руку: девушка скользила по влажной траве.

Людовик осмотрелся еще внимательнее и, заметив огромный развесистый дуб, увлек Лавальер к нему. Бедная девушка оглядывалась во все стороны; казалось, она и боялась и желала, чтобы их заметили, чтобы рядом был кто-то еще.

Король подвел ее к стволу дерева, под которым было совершенно сухо, точно ливня и не было. Сам он стал возле нее, сняв шляпу. Через несколько мгновений капли дождя стали пробиваться сквозь листву и падать на голову короля, но он не замечал их.

– Государь, – прошептала Лавальер, показывая на шляпу. Но король поклонился и наотрез отказался надеть ее.

– Как нельзя более удобный случай предложить им наше место, – сказал Фуке на ухо Арамису.

– Как нельзя более удобный случай подслушать и не пропустить ни слова из того, что они будут говорить, – прошептал в ответ Арамис.

И оба замолчали; голос короля явственно доносился до

них.

– Боже мой, мадемуазель, – говорил король, – я вижу или, вернее, угадываю ваше беспокойство. Поверьте, я искренне жалею, что увел вас от остального общества и из-за меня вы можете промокнуть. Да вы уже промокли, может быть, вам холодно?

– Нет, государь.

– Но вы дрожите!

– Государь, я боюсь, что могут дурно истолковать мое отсутствие в тот момент, когда все, наверное, уже собрались.

– Я охотно предложил бы вам вернуться к каретам, мадемуазель, но взгляните и прислушайтесь, можно ли сейчас идти куда-нибудь?

Действительно, гром гремел и дождь лил ручьями.

– К тому же, – продолжал король, – никто не посмеет сказать о вас дурное. Ведь вы с французским королем, то есть первым дворянином королевства.

– Конечно, государь, – отвечала Лавальер, – это великая честь для меня, но я боюсь не за себя.

– А за кого же?

– За вас, государь.

– За меня, мадемуазель? – с улыбкой переспросил король. – Я не понимаю вас.

– Разве ваше величество уже забыли, что произошло вчера на вечере у ее высочества?

– Не напоминайте об этом, прошу вас, или лучше позволъ-

те мне вспомнить, чтобы еще раз поблагодарить вас за ваше письмо и...

– Государь, – прервала его Лавальер, – дождь идет, а ваше величество без шляпы.

– Прошу вас, не беспокойтесь обо мне. Я боюсь, что вы промокнете.

– О, ведь я – крестьянка, – улыбнулась Лавальер. – Я привыкла бегать по луарским лугам и блуаским садам в любую погоду. А что касается моего туалета, – прибавила она, глядя на свое скромное муслиновое платье, – то ваше величество видите, что за него мне нечего опасаться.

– Действительно, мадемуазель, я уже не раз замечал, что вы всем обязаны самой себе, а не туалету. Вы не кокетка. Я считаю это большим достоинством.

– Государь, не делайте меня лучше, чем я есть на самом деле. Скажите просто: вы не можете быть кокеткой.

– Почему?

– Потому, что я не богата, – с улыбкой отвечала Лавальер.

– Значит, вы сознаетесь, что любите красивые вещи? – с живостью воскликнул король.

– Государь, я нахожу красивым только то, что для меня доступно; все слишком высокое...

– Для вас безразлично?

– Мне чуждо, так как недостижимо.

– А я считаю, мадемуазель, – сказал король, – что вы не занимаете при моем дворе подобающее вам положение. Я,

несомненно, слишком мало осведомлен о заслугах вашей семьи. Мой дядя отнесся слишком пренебрежительно к вашим родственникам.

– О нет, государь! Его королевское высочество герцог Орлеанский всегда был благосклонен к господину де Сен-Реми, моему отчиму. Услуги отчима были скромные, и мы были за них вполне вознаграждены. Не всем дано счастье с блеском служить королю. Я, конечно, не сомневаюсь, что если бы представился случай, то мои родственники не остановились бы ни перед чем, но нам не выпало этого счастья.

– Короли должны исправлять несправедливости, мадемуазель, – проговорил Людовик, – и я охотно принимаю эту обязанность по отношению к вам.

– Нет, государь, – с живостью воскликнула Лавальер, – оставьте, пожалуйста, все как есть.

– Как, мадемуазель? Вы отказываетесь от того, что я должен, что я хочу сделать для вас?

– Все, чего я желала, государь, вы для меня сделали в тот день, когда я удостоилась чести быть принятой ко двору принцессы.

– Но если вы отказываетесь для себя, примите, по крайней мере, для ваших родственников знак моей признательности.

– Государь, ваши великодушные намерения ослепляют и страшат меня, ибо если ваше величество по своей благосклонности сделаете что-нибудь для моих родственников, то у нас появятся завистники, а у вашего величества – враги.

Оставьте меня, государь, в неизвестности. Пусть мои чувства к вам останутся светлыми и бескорыстными.

– Вот удивительные речи! – воскликнул король.

– Справедливо, – шепнул Арамис на ухо Фуке. – Вряд ли король привык к ним.

– А что, если и на мою записку она ответит в таком же роде? – спросил Фуке.

– Не будем забегать вперед, дождемся конца, – возразил Арамис.

– К тому же, дорогой д'Эрбле, – добавил суперинтендант, малорасположенный верить в искренность чувств, выраженных Лавальер, – иногда бывает очень выгодно казаться бескорыстной в глазах короля.

– То же самое думал и я, – отвечал Арамис. – Послушаем, что будет дальше.

Король еще ближе придвинулся к Лавальер и поднял над ней свою шляпу, так как дождь все больше протекал сквозь листву.

Лавальер взглянула своими прекрасными голубыми глазами на защищавшую ее королевскую шляпу, покачала головой и вздохнула.

– Боже мой! – сказал король. – Какая печальная мысль может проникнуть в ваше сердце, когда я защищаю его своим собственным?

– Я отвечу вам, государь. Я уже касалась этого вопроса, такого щекотливого для девушки моих лет. Но ваше вели-

чество приказали мне замолчать. Государь, ваше величество не принадлежите себе; государь, вы женаты; чувство, которое удалило бы ваше величество от королевы и увлекло бы ко мне, было бы источником глубокого огорчения для королевы.

Король попытался перебить Лавальер, но та с умоляющим жестом продолжала:

– Королева нежно любит ваше величество, королева следит за каждым шагом вашего величества, отдаляющим вас от нее. Ей выпало счастье встретить прекрасного супруга, и она со слезами молит небо сохранить ей его. Она ревнива к малейшему движению вашего сердца.

Король снова хотел заговорить, но Лавальер еще раз решилась остановить его.

– Разве не преступление, – спросила она, – зная о такой нежной и благородной любви, давать королеве повод для ревности? О, простите мне это слово, государь. Боже мой, я знаю, невозможно или, вернее, должно быть невозможно, чтобы величайшая в мире королева ревновала к такой ничтожной девушке, как я. Но королева – женщина, и как у всякой женщины сердце ее может открыться для подозрений, которые могут быть внушены ядовитыми речами злых людей. Во имя неба, государь, не уделяйте мне столько внимания! Я этого не заслуживаю.

– Неужели, мадемуазель, – вскричал король, – вы не понимаете, что, говоря так, вы превращаете мое уважение к вам

в преклонение?

– Государь, вы приписываете моим словам значение, которого они не имеют; вы считаете меня лучше, чем я есть. Смилюйтесь надо мной, государь! Если бы я не знала, что король – самый великодушный человек во всей Франции, то подумала бы, что ваше величество хотите посмеяться надо мной...

– Конечно, вы этого не думаете, я в этом уверен! – воскликнул Людовик.

– Государь, я буду вынуждена думать так, если ваше величество будет говорить со мной таким языком.

– Значит, я самый несчастный король во всем христианском мире, – заключил Людовик с непритворной грустью, – если не могу внушить доверие к своим словам женщине, которую я люблю больше всего на свете и которая разбивает мне сердце, отказываясь верить в мою любовь.

– Государь, – сказала Лавальер, легонько отстраняясь от короля, который все ближе подвигался к ней, – гроза как будто утихает, и дождь перестает.

Но в то самое мгновение, когда бедная девушка, пытаясь совладать со своим сердцем, проявлявшим слишком большую готовность идти навстречу желаниям короля, произносила эти слова, гроза позаботилась опровергнуть их; синеватая молния озарила лес фантастическим блеском, и удар грома, напоминавший артиллерийский залп, раздался над самой головой короля и Лавальер, как будто его привлекла вы-

сота укрывавшего их дуба.

Молодая девушка испуганно вскрикнула.

Король одной рукой прижал ее к сердцу, а другую протянул над ее головой, точно защищая ее от удара молнии.

Несколько мгновений стояла тишина, во время которой эта пара, очаровательная, как все молодое и исполненное любви, замерла в неподвижности. Фуке и Арамис тоже застыли, созерцая Лавальер и короля.

– О государь! – прошептала Лавальер. – Вы слышите?

И она уронила голову на его плечо.

– Да, – сказал король, – вы видите, что гроза не утихает.

– Государь, это – предупреждение.

Король улыбнулся.

– Государь, это голос Бога, грозящего нам карой.

– Пусть, – отвечал король. – Я принимаю этот удар грома за предупреждение и даже за угрозу, если через пять минут он повторится с такой же силой. В противном же случае позвольте мне думать, что гроза – только гроза, и ничего больше.

И король поднял голову, точно вопрошая небо.

Но небо как бы вступило в заговор с Людовиком; в течение пяти минут после удара, напугавшего влюбленных, не слышно было ни одного раската, а когда гром загремел снова, то звук его был гораздо глуше, как будто в течение этих пяти минут гроза, подстегиваемая порывами ветра, унеслась за целых десять лье.

– Что же, Луиза, – прошептал король, – будете вы еще пугать меня гневом небес? Если вы уж непременно хотите видеть в молнии предзнаменование, то неужели вы все еще считаете, что она – предзнаменование несчастья?

Молодая девушка подняла голову. В это время дождь хлынул сквозь листья и заструился по лицу короля.

– О государь, государь! – воскликнула она с выражением непреодолимого страха, взволновавшего Людовика до глубины души. – Неужели это ради меня король остается с непокрытой головой под проливным дождем? Ведь я – такое ничтожество!

– Вы – божество, – отвечал король, – обратившее в бегство грозу. Вы – богиня, возвращающая солнце и тепло.

Действительно, в этот момент блеснул солнечный луч, и падавшие с деревьев капли засверкали, как бриллианты.

– Государь, – сказала почти побежденная Лавальер, делая над собой последнее усилие. – Государь, еще раз прошу вас, подумайте о тех неприятностях, которые вашему величеству придется перенести из-за меня. Боже мой, в эту минуту вас ищут, вас зовут. Королева, наверное, беспокоится, а принцесса... о, принцесса!.. – почти с ужасом вскричала молодая девушка.

Это слово произвело некоторое впечатление на короля. Он вздрогнул и выпустил Лавальер из своих объятий.

– Принцесса, сказали вы?

– Да, принцесса; принцесса тоже ревнует, – многозначи-

тельно заметила Лавальер.

И ее робкие и целомудренно опущенные глаза решились вопросительно взглянуть на короля.

– Но принцесса, мне кажется, – возразил Людовик, делая усилие над собой, – не имеет никакого права...

– Увы! – прошептала Лавальер.

– Неужели, – спросил король почти с упреком, – и вы считаете, что сестра вправе ревновать брата?

– Государь, я не смею заглядывать в тайники вашего сердца.

– Неужели вы верите этому? – воскликнул король.

– Да, государь, я думаю, что принцесса ревнует, – твердо сказала Лавальер.

– Боже мой, – забеспокоился король, – неужели ее обращение с вами дает повод для таких подозрений? Принцесса обошлась с вами дурно, и вы приписываете это ревности?

– Нет, государь, я так мало значу в ее глазах!

– О, если так!.. – энергично произнес Людовик.

– Государь, – перебила Лавальер, – дождь перестал, и, кажется, сюда идут.

Позабыв всякий этикет, она схватила короля за руку.

– Так что же, мадемуазель, – продолжал король, – пусть идут. Кто осмелится увидеть что-нибудь дурное в том, что я был в обществе мадемуазель де Лавальер?

– Помилуйте, государь! Все найдут странным, что вы так вымокли, что вы пожертвовали собой ради меня.

– Я только исполнил свой долг дворянина, – вздохнул Людовик, – и горе тому, кто забудется и станет осуждать поведение своего короля.

Действительно, в этот момент показалось несколько придворных, которые с любопытством осматривали лес; заметив короля и Лавальер, они, по-видимому, нашли то, что искали.

Это были посланцы королевы и принцессы; они сняли шляпы в знак того, что увидели его величество.

Но, несмотря на смущение Лавальер, Людовик по-прежнему стоял в своей нежно-почтительной позе. Затем, когда все придворные собрались на аллее, когда все увидели знаки почтения, которые король оказывал молодой девушке, оставаясь перед ней с обнаженной головой во время грозы, Людовик предложил ей руку, ответил кивком головы на почти-тельные поклоны придворных и, все так же держа шляпу в руке, проводил ее до коляски.

Гроза прошла, но дождь продолжался, и придворные дамы, которым этикет не позволял сесть в карету раньше короля, стояли без плащей и накидок под этим ливнем, от которого король заботливо защищал своей шляпой самую незначительную среди них.

Как и все остальные, королева и принцесса должны были созерцать эту преувеличенную любезность короля. Принцесса до такой степени была поражена, что, забывшись, толкнула королеву локтем и проговорила:

– Поглядите, вы только поглядите!

Королева закрыла глаза, точно у нее закружилась голова. Она поднесла руку к лицу и села в карету. Принцесса последовала за ней. Король вскочил на лошадь и, не оказывая предпочтения ни одной из карет, поскакал вперед. Он вернулся в Фонтенбло, бросив поводья, задумчивый, весь поглощенный своими мыслями.

Когда толпа удалилась и шум карет стал затихать, Арамис и Фуке, убедившись, что никто не может их увидеть, вышли из грота. Молча добрались они до аллеи. Арамис, казалось, хотел проникнуть взглядом в самую чащу леса.

– Господин Фуке, – сказал он, удостоверившись, что они одни, – нужно во что бы то ни стало вернуть ваше письмо к Лавальер.

– Нет ничего проще, – отвечал Фуке, – если слуга еще не передал его.

– Это необходимо в любом случае, понимаете?

– Да, король действительно любит эту девушку.

– Очень. Но еще хуже то, что и девушка страстно любит короля.

– Значит, мы меняем тактику?

– Несомненно. И не теряя времени, вам нужно увидеть Лавальер и, даже не пытаясь добиться ее благосклонности (что теперь невозможно), убедить ее, что вы – самый преданный ее друг и самый покорный слуга.

– Я так и сделаю, – отвечал Фуке, – и безо всякой фальши. У этой девушки, мне кажется, золотое сердце.

– А может быть, много ловкости, – раздумывал вслух Арамис, – но тогда дружба с нею еще нужней.

Помолчав немного, он прибавил:

– Или я ошибаюсь, или эта малютка сведет с ума короля. Ну, скорей карету – и в замок!

V

Тоби

Через два часа после того, как карета суперинтенданта покатилась в Фонтенбло со скоростью облаков, гонимых последними порывами бури, Лавальер сидела у себя в комнате в простом муслиновом пеньюаре и доканчивала завтрак за маленьким мраморным столиком. Вдруг открылась дверь, и лакей доложил, что господин Фуке просит позволения засвидетельствовать ей свое почтение.

Она дважды переспросила лакея; бедная девушка знала только имя господина Фуке и никак не могла понять, что у нее может быть общего с управляющим финансами королевства.

Однако, так как министр мог прийти к ней по поручению короля, что после недавнего свидания было вполне возможно, то Лавальер взглянула в зеркало, поправила локоны и приказала пригласить его в комнату.

Но Лавальер не могла подавить некоторого волнения. Визит суперинтенданта не был заурядным явлением в жизни фрейлины. Фуке, славившийся своей щедростью, галантностью и любезным обращением с дамами, чаще получал приглашения, чем испрашивал аудиенций. Во многие дома посещения суперинтенданта приносили богатство; во многих

сердцах они зарождали любовь.

Фуке почтительно вошел к Лавальер и представился ей с изяществом, которое было отличительной чертой выдающихся людей той эпохи, а нынче стало совершенно непонятным, даже на портретах, где эти люди изображены как живые.

На церемонное приветствие Фуке Лавальер ответила реверансом пансионерки и предложила суперинтенданту сесть.

Но Фуке с поклоном ответил:

– Я не сяду, мадемуазель, пока вы не простите меня.

– За что же, боже мой?

Фуке устремил на лицо молодой девушки свой пронизательный взгляд, но увидел на нем только самое простодушное изумление.

– Я вижу, сударыня, что вы так же великодушны, как и умны, и читаю в ваших глазах испрашиваемое мной прощение. Но мне мало прощения на словах, предупреждаю вас; мне нужно, чтобы меня простили ваши сердце и разум.

– Клянусь вам, сударь, – растерялась Лавальер, – я вас совершенно не понимаю.

– Это новое проявление вашей деликатности пленяет меня, – отвечал Фуке, – я вижу, что вы не хотите заставить меня краснеть.

– Краснеть? Краснеть передо мной? Но скажите же, отчего вам краснеть?

– Неужели я ошибаюсь, – спросил Фуке, – и мой поступок, к счастью, не оскорбил вас?

Лавальер пожала плечами.

– Сударь, вы в самом деле говорите загадками, и я, по-видимому, слишком невежественна, чтобы понимать их.

– Хорошо, – согласился Фуке, – не буду настаивать. Только, умоляю вас, скажите мне, что я могу рассчитывать на ваше полное и безусловное прощение.

– Сударь, – сказала Лавальер уже с некоторым нетерпением, – я могу ответить вам только одно и надеюсь, что мой ответ удовлетворит вас. Если бы я знала вашу вину передо мной, я простила бы вас. Тем более вы поймете, что, не зная этой вины...

Фуке закусил губы, как это обычно делал Арамис.

– Значит, – продолжал он, – я могу надеяться, что, невзирая на случившееся, мы останемся в добрых отношениях и что вы любезно соглашаетесь верить в мою почтительную дружбу?

Лавальер показалось, что она начинает что-то понимать.

«О, – подумала она, – я не могла бы поверить, что господин Фуке с такой жадностью будет искать источника новоявленной благосклонности».

И сказала вслух:

– В вашу дружбу, сударь? Вы мне предлагаете вашу дружбу? Но, право, это для меня большая честь и вы слишком любезны.

– Я знаю, сударыня, – отвечал Фуке, – что дружба господина может показаться более блестящей и более желательной, чем дружба слуги; но могу вас заверить, что и слуга будет вам так же предан, так же верен и совершенно бескорыстен.

Лавальер поклонилась; она уловила в голосе суперинтенданта искренность и неподдельную преданность. Она протянула Фуке руку.

– Я вам верю, – улыбнулась она.

Фуке крепко пожал руку девушки.

– В таком случае, – продолжил он, – отдайте мне это несчастное письмо.

– Какое письмо? – удивилась Лавальер.

Фуке снова устремил на нее свой испытующий взгляд. То же наивное, то же простодушное выражение лица.

– После столь искреннего вашего недоумения, сударыня, я должен признать, что вы деликатнейшее существо, и сам я не был бы честным человеком, если бы мог бояться чего-нибудь со стороны такой великодушной девушки, как вы.

– Право, господин Фуке, – отвечала Лавальер, – с глубоким сожалением мне приходится повторить вам, что я решительно ничего не понимаю.

– Значит, вы можете дать слово, что не получали от меня никакого письма?

– Даю вам слово, нет! – твердо сказала Лавальер.

– Хорошо. Этого с меня достаточно, сударыня; позвольте мне повторить уверение в моей преданности и в моем глу-

бочайшем почтении.

Фуке поклонился и отправился домой, где его ждал Арамис. Лавальер осталась в полном недоумении.

– Ну что? – спросил Арамис, нетерпеливо ожидавший возвращения Фуке. – Как вам понравилась фаворитка?

– Восхищен! – отвечал Фуке. – Это умная, сердечная женщина.

– Она не рассердилась?

– Ничуть, по-видимому, она просто ничего не поняла.

– Не поняла?

– Да, не поняла мое письмо.

– А между тем нужно было заставить ее понять вас, нужно, чтобы она вернула письмо; я надеюсь, она отдала вам его?

– И не подумала.

– Так вы, по крайней мере, удостоверились, что она сожгла его?

– Дорогой д'Эрбле, вот уже целый час, как я играю в недоговоренные фразы, и мне порядком надоела эта игра, хотя она очень занимательна. Поймите же: малютка притворилась, будто совершенно не понимает меня. Она отрицала получение письма, а поэтому она не могла ни отдать его, ни сжечь.

– О чем вы говорите? – встревожился Арамис.

– Говорю, что она клялась и божилась, что не получала никакого письма.

– О, это слишком! И вы не настаивали?

– Напротив, я был настойчив до неприличия.

– И она все отрицала?

– Да.

– И ни разу не выдала себя?

– Ни разу.

– Следовательно, дорогой мой, вы оставили письмо в ее руках?

– Пришлось, черт возьми!

– О, это большая ошибка!

– А что бы вы сделали на моем месте?

– Конечно, невозможно было принудить ее, но это тревожит меня: подобное письмо не может оставаться у нее.

– Эта девушка так великодушна.

– Если бы она была действительно великодушна, она отдала вам письмо.

– Повторяю, она великодушна. Я видел это по ее глазам, я человек опытный.

– Значит, вы считаете ее искренней?

– От всего сердца.

– В таком случае, мне кажется, что мы действительно ошибаемся.

– Как так?

– Мне кажется, что она в самом деле не получила письма.

– Как же? И вы предполагаете?..

– Я предполагаю, что, по неизвестным нам соображениям, ваш человек не отдал ей письма.

Фуке позвонил. Вошел лакей.

– Позовите Тоби, – приказал суперинтендант.

Через несколько мгновений появился слуга, сутулый человек с бегающими глазами, с тонкими губами и короткими руками.

Арамис вперил в него пронизывающий взгляд.

– Позвольте, я сам расспрошу его.

– Пожалуйста, – отвечал Фуке.

Арамис хотел было заговорить с лакеем, но остановился.

– Нет, – сказал он, – он увидит, что мы придаем слишком большое значение его ответу. Допросите его сами, а я сделаю вид, что пишу письмо.

Арамис сел к столу спиной к лакею, но внимательно наблюдал за каждым его движением и каждым его взглядом в висевшем напротив зеркале.

– Подойди сюда, Тоби, – начал Фуке.

Лакей приблизился довольно твердыми шагами.

– Как ты исполнил мое поручение? – спросил Фуке.

– Как всегда, ваша милость, – отвечал слуга.

– Расскажи.

– Я вошел к мадемуазель де Лавальер, которая была у обедни, и положил записку на туалетный столик. Ведь так вы приказали мне?

– Верно, и это все?

– Все, ваша милость.

– В комнате никого не было?

– Никого.

– А ты спрятался, как я тебе приказал?

– Да.

– И она вернулась?

– Через десять минут.

– И никто не мог взять письма?

– Никто, потому что никто не входил в комнату.

– Снаружи, а изнутри?

– Оттуда, куда я спрятался, видна была вся комната.

– Послушай, – сказал Фуке, пристально глядя на лакея, – если это письмо попало не по адресу, то лучше откровенно сознайся мне в этом, потому что, если произошла ошибка, ты поплатишься за нее головой.

Тоби вздрогнул, но тотчас овладел собой.

– Ваша милость, – повторил он, – я положил письмо на туалетный столик, как я вам сказал, и прошу у вас всего полчаса, чтобы доказать, что письмо в руках мадемуазель де Лавальер, или же принести его вам обратно.

Арамис с любопытством наблюдал за лакеем.

Фуке был доверчив: двадцать лет этот лакей усердно служил ему.

– Хорошо, – согласился он, – ступай, но принеси мне доказательство, что ты говорил правду.

Лакей ушел.

– Ну, что вы скажете? – спросил Фуке у Арамиса.

– Я скажу, что вам во что бы то ни стало надо узнать ис-

тину. Письмо или дошло, или не дошло до Лавальер. В первом случае нужно, чтобы Лавальер вернула вам его или же сожгла в вашем присутствии; во втором – необходимо раздобыть письмо, хотя бы это стоило нам миллиона. Ведь вы согласны со мной?

– Да, однако, дорогой епископ, я считаю, что вы сгущаете краски.

– Слепец вы, слепец! – прошептал Арамис.

– Лавальер, которую вы принимаете за тонкого дипломата, просто-напросто кокетка, которая надеется, что я буду продолжать увиваться за ней, раз уже начал. Теперь, убедившись в любви короля, она рассчитывает с помощью письма держать меня в руках. Это так естественно.

Арамис покачал головой.

– Вы не согласны? – спросил Фуке.

– Она не кокетка, – отвечал Арамис.

– Позвольте вам заметить...

– Я отлично знаю кокеток!

– Друг мой, друг мой!

– Вы хотите сказать, что далеко то время, когда я изучал их? Но женщины не меняются.

– Зато мужчины меняются, и теперь вы стали более подозрительны, чем были прежде. – Рассмеявшись, Фуке продолжал: – Если Лавальер пожелает уделить мне одну треть своей любви и королю две трети, найдете вы приемлемым такое положение?

Арамис нетерпеливо поднялся.

– Лавальер, – сказал он, – никогда не любила и никогда не полюбит никого, кроме короля.

– Но ответьте мне наконец, что бы вы сделали на моем месте?

– Прежде всего я не выпускал бы из дома вашего слугу.

– Тоби?

– Да, Тоби, это предатель!

– Что вы?

– Я уверен в этом. Я держал бы его взаперти, пока он не признался бы мне.

– Еще не поздно; позовем его, и вы допросите его сами.

– Прекрасно.

– Но уверяю вас, что это будет напрасно. Он служит у меня уже двадцать лет и ни разу ничего не перепутал, а между тем, – прибавил Фуке со смехом, – перепутать бывало так легко.

– Все же позовите его. Мне кажется, что сегодня утром я видел, как этот человек о чем-то совещался с одним из слуг господина Кольбера.

– Где?

– Возле конюшни.

– Не может быть! Все мои слуги на ножах со слугами этого мужлана.

– Однако повторяю, я видел его, поэтому, когда он вошел сюда, его физиономия показалась мне знакомой.

– Почему же вы ничего не сказали, когда он был здесь?

– Потому, что только сию минуту я припомнил.

– Вы меня пугаете, – сказал Фуке и позвонил.

– Лишь бы мы не опоздали! – прошептал Арамис.

Фуке позвонил вторично. Явился камердинер.

– Тоби! – крикнул Фуке. – Позовите Тоби!

Слуга удалился.

– Вы предоставляете мне полную свободу действий, не правда ли?

– Полнейшую.

– Я могу пустить в ход все средства, чтобы узнать истину?

– Все.

– Даже запугивание?

– Я уступаю вам обязанности генерального прокурора.

Прошло десять минут. Тоби не появлялся. Выведенный из терпения Фуке снова позвонил.

– Тоби! – крикнул он.

– Его ищут, ваша милость, – поклонился камердинер.

– Он где-нибудь поблизости, я никуда не посылал его.

– Я пойду поищу его, ваша милость.

И камердинер снова удалился. Арамис молча нетерпеливо ходил по комнате.

Фуке зазвонил так, что мог бы разбудить мертвого. Вернулся камердинер. Он весь дрожал.

– Ваша милость ошибается, – сказал он, не дожидаясь вопроса Фуке. – Ваша милость, вероятно, дали какое-нибудь

поручение Тоби, потому что он пришел на конюшню, вывел лучшего скакуна, оседлал его и уехал.

– Уехал! – вскричал Фуке. – Скачите, поймайте его!

– Полно, – Арамис взял его за руку, – успокойтесь, дело сделано!

– Сделано?

– Конечно, я был в этом уверен. Теперь не будем поднимать тревогу, разберем лучше последствия случившегося и постараемся принять меры.

– В конце концов, – вздохнул Фуке, – беда невелика.

– Вы думаете?

– Конечно. Всякому мужчине позволительно писать любовное письмо к женщине.

– Мужчине – да, подданному – нет, особенно когда женщину любит король.

– Друг мой, еще неделю назад король не любил Лавальер; он не любил ее даже вчера, а письмо написано вчера; и я не мог догадаться о любви короля, когда ее еще не было.

– Допустим, – согласился Арамис. – Но письмо, к несчастью, не помечено числом. Вот что особенно мучит меня. Ах, если бы на нем стояло вчерашнее число, я бы ни капли не беспокоился за вас!

Фуке пожал плечами.

– Разве я под опекой и король властвует над моим умом и моими желаниями?

– Вы правы, – согласился Арамис, – не будем придавать

делу слишком большое значение; и потом... если нам что-либо грозит, мы сумеем защититься.

– Грозит? – удивился Фуке. – Неужели этот муравьиный укус вы называете угрозой, которая может подвергнуть опасности мое состояние и мою жизнь?

– Ах, господин Фуке, муравьиный укус может сразить и великана, если муравей ядовит!

– Разве ваше всемогущество, о котором вы недавно говорили, уже рухнуло?

– Я всемогущ, но не бессмертен.

– Однако, мне кажется, важнее всего отыскать Тоби. Не правда ли?

– О, его вам теперь не поймать, – сказал Арамис, – и если он был вам дорог, наденьте траур!

– Но ведь он где-нибудь да находится?

– Вы правы; предоставьте мне свободу действия, – отвечал Арамис.

VI

Четыре шанса принцессы

Королева-мать пригласила к себе молодую королеву.

Больная Анна Австрийская дурнела и старилась с поразительной быстротой, как это всегда бывает с женщинами, которые провели бурную молодость. К физическим страданиям присоединялись страдания от мысли, что рядом с юной красотой, юным умом и юной властью она – лишь живое напоминание о прошлом.

Советы врача и свидетельства зеркала меньше огорчали ее, чем поведение придворных, которые, подобно крысам, покидали трюм корабля, куда начинала проникать вода.

Анну Австрийскую всё больше огорчали свидания со старшим сыном. Раньше король, чувства которого были скорей показные, чем искренние, заходил к матери на один час утром и на один – вечером. Но с тех пор, как он взял в свои руки управление государством, утренние и вечерние визиты были сокращены до получаса; мало-помалу утренние визиты вовсе прекратились.

По утрам мать и сын встречались за мессой; вечерние визиты были заменены свиданиями у короля или у принцессы, куда королева ходила довольно охотно ради сыновей. Вследствие этого принцесса приобрела огромное влияние при дво-

ре, и у нее собиралось самое блестящее общество.

Анна Австрийская чувствовала это.

Больная, вынужденная часто сидеть дома, она приходила в отчаяние, предвидя, что скоро ей придется проводить время в унылом и безнадежном одиночестве.

С ужасом вспоминала она одиночество, на которое обрекал ее когда-то кардинал Ришелье, невыносимые вечера, в течение которых, однако, ей служили утешением молодость и красота, всегда сопровождаемые надеждой.

И вот теперь она решила перевести двор к себе и привлечь принцессу с ее блестящей свитой в темные и унылые комнаты, где вдова французского короля и мать французского короля обречена была утешать всегда заплаканную от преждевременного вдовства супругу французского короля.

Анна задумалась. В течение своей жизни она много интриговала. В хорошие времена, когда в ее юной головке рождались счастливые идеи, подле нее была подруга, умевшая подстрекать ее честолюбие и ее любовь, подруга, еще более пылкая и честолюбивая, чем она сама, искренне ее любившая, что так редко бывает при дворе, и теперь удаленная от нее по мелочным соображениям.

Но с тех пор в течение многих лет кто мог похвалиться, что дал хороший совет королеве, кроме госпожи де Мотвиль⁶ и Молены, испанки-кормилицы, которая в качестве

⁶ *Мотвиль* Франсуаза Берто (ок. 1621–1689) – наперсница Анны Австрийской; автор «Мемуаров».

соотечественницы была поверенной королевы? Кто из теперешней молодежи мог напомнить ей прошлое, которым она только и жила?

Анна Австрийская вспоминала о госпоже де Шеврез, которая отправилась в изгнание скорее добровольно, чем по приказанию короля, а затем умерла женой безвестного дворянина. Она задала себе вопрос, что посоветовала бы ей госпожа де Шеврез в подобных обстоятельствах, и королеве показалось, что эта хитрая, опытная и умная женщина отвечала ей своим ироническим тоном:

«Все эти молодые люди бедны и жадны. Им нужны золото и доходы, чтобы предаваться удовольствиям. Привлеките их к себе подачками».

Анна Австрийская решила последовать этому совету. Кошелек у нее был полный. Она располагала большими суммами, собранными для нее Мазарини и хранившимися в надежном месте. Ни у кого во Франции не было таких красивых драгоценных камней, особенно такого крупного жемчуга, при виде которого король каждый раз вздыхал, потому что жемчуг на его короне казался мелким зерном по сравнению с ним.

Анна Австрийская не обладала больше ни красотой, ни очарованием. Зато она была богата и привлекала посещавших ее придворных либо надеждой на крупный карточный выигрыш, либо подачками, либо, наконец, доходными местами, которые она очень умело выпрашивала у короля, что-

бы поддерживать свое влияние.

В первую очередь она испытала это средство на принцессе, которую ей больше всего хотелось привлечь к себе. Несмотря на всю свою гордость и самоуверенность, принцесса попала в расставленные сети. Богатея понемногу от подарков, она вошла во вкус и с удовольствием получала преждевременное наследство.

То же средство Анна Австрийская испробовала на принце и даже на самом короле. Она завела у себя лотерею.

Одна из таких лотерей была назначена в день, до которого мы довели наш рассказ. Анна Австрийская разыгрывала два прекрасных бриллиантовых браслета очень тонкой работы. В них были вставлены старинные камеи большой ценности; сами бриллианты были не очень дороги, но оригинальность и изящество работы были таковы, что при дворе многие желали не только получить эти браслеты, но просто увидеть их на руках королевы, так что в дни, когда она надевала их, считалось особой милостью позволение любоваться ими, целуя руку королевы-матери.

По этому поводу придворные придумали галантный каламбур, говоря, что браслеты были бы бесценными, если бы, на свое несчастье, не красовались на руках королевы. Этому каламбуру была оказана большая честь; он был переведен на все европейские языки, и на эту тему ходило более тысячи французских и латинских двустий.

День, когда Анна Австрийская разыгрывала в лотерее

бриллианты, был для нее решающим: двое суток король не показывался у матери. Принцесса дулась после сцены с дриадами и наядами. Король, правда, не сердился, но могущественное чувство уносило его вдаль от придворных бурь и развлечений.

Анна Австрийская сделала хитрый ход, объявив на следующий вечер знаменитую лотерею. С этой целью она повидалась с молодой королевой, которую, как мы сказали, утром вызвала к себе.

– Дочь моя, – сказала Анна, – сообщаю вам приятную новость. Король самым нежным образом говорил мне о вас. Король молод, и его легко увлечь. Но до тех пор, пока вы будете возле меня, он не решится оставить свою супругу, к которой к тому же он сильно привязан. Сегодня вечером у меня лотерея; вы придете?

– Мне сказали, – с робким упреком заметила молодая королева, – что ваше величество разыгрываете в лотерею свои прекрасные браслеты. Но ведь они такая редкость, что нам не следовало бы выпускать их из королевской сокровищницы, хотя бы потому, что они принадлежали вам.

– Дитя мое, – сказала Анна Австрийская, отлично понимая молодую королеву, желавшую иметь эти браслеты, – мне во что бы то ни стало нужно заманить к себе принцессу.

– Принцессу? – спросила, краснея, молодая королева.

– Ну да! Лучше видеть у себя соперницу, чтобы наблюдать и управлять ею, чем знать, что король у нее, всегда готовый

ухаживать за ней. Эта лотерея – приманка, которой я пользуюсь с этой целью; неужели вы порицаете меня?

– Нет, нет, – вскричала Мария-Терезия и в порыве искренней, детской радости, свойственной испанкам, в восторге захлопала в ладоши.

– И вы не жалеете, дорогая, что я не подарила вам браслеты, как сначала хотела сделать?

– О нет, нет, дорогая матушка!

– Итак, дитя мое, принарядитесь, чтобы наш вечер вышел как можно более блестящим. Чем веселее будете вы, чем вы будете очаровательнее, тем больше вы затмите остальных женщин своим блеском.

Мария-Терезия ушла в полном восторге.

Через час Анна Австрийская принимала у себя принцессу и, осыпая ее ласками, говорила:

– Приятные вести. Король в восторге от моей лотереи.

– А я совсем не в восторге, – отвечала принцесса, – я никак не могу свыкнуться с мыслью, что эти прекрасные браслеты могут оказаться на чьих-то чужих руках.

– Полно, – сказала Анна Австрийская, скрывая улыбкой жестокую боль в груди. – Не возмущайтесь так, милая... и не смотрите на вещи так мрачно.

– Ах, королева, судьба слепа... Говорят, вы приготовили двести билетов?

– Ровно двести. Но вы ведь знаете, что выигрышный только один.

– Знаю. Кому же он достанется? Разве вы можете угадать? – с отчаянием произнесла принцесса.

– Вы напомнили мне сон, который я видела сегодня ночью... Ах, сны мои хорошие... я сплю так мало.

– Какой сон?.. Вы больны?

– Нет, – улыбнулась королева, удивительной силой воли подавляя новый приступ боли в груди. – Итак, мне снилось, что выиграл браслеты король.

– Король?

– Вы хотите спросить меня, что стал бы делать король с браслетами?

– Да.

– И все же было бы очень хорошо, если бы король выиграл их, потому что, получив эти браслеты, он должен был бы подарить их кому-нибудь.

– Например, вернуть их вам.

– В таком случае, я сама немедленно подарила бы их кому-нибудь. Ведь не думаете же вы, – со смехом сказала королева, – что я пускаю эти браслеты в лотерею из нужды. Я просто хочу подарить их, не возбуждая зависти; но если случай не избавит меня от затруднения, то я приду ему на помощь... Я прекрасно знаю, кому мне подарить эти браслеты.

Слова эти сопровождалась такой обворожительной улыбкой, что принцессе пришлось заплатить за нее благодарным поцелуем.

– Вы ведь отлично знаете, – добавила Анна Австрий-

ская, – что король не вернул бы мне браслетов, если бы выиграл.

– В таком случае, он подарил бы их королеве.

– Нет, по той же причине, по какой не вернул бы и мне; тем более что, если бы я хотела подарить их королеве, я обошлась бы без его помощи.

Принцесса искоса взглянула на браслеты, которые сверкали на соседнем столике в открытом футляре.

– Как они хороши, – вздохнула она. – Но ведь мы забыли, что сон вашего величества – только сон.

– Я буду очень удивлена, – возразила Анна Австрийская, – если он не сбудется: все мои сны сбываются.

– В таком случае вы можете быть сивиллой.

– Повторяю вам, дитя мое, что я почти никогда не вижу снов; но этот сон так странно совпадает с моими мыслями, он так хорошо вяжется с моими догадками.

– Какими догадками?

– Например, что браслеты выиграете вы.

– Тогда их выиграет не король.

– О! – воскликнула Анна Австрийская. – От сердца его величества не так далеко до вашего сердца... сердца его дорогой сестры... не так далеко, чтобы сон можно было считать несбывшимся. У нас много шансов. Вот сосчитайте.

– Считаю.

– Во-первых, сон. Если король выиграет, он, конечно, подарит браслеты вам.

– Допустим, что это шанс.

– Если вы сами выиграете их, они ваши.

– Понятно.

– Наконец, если выиграет их принц...

– То он подарит их шевалье де Лоррену, – звонко засмеялась принцесса.

Анна Австрийская последовала примеру невестки и тоже расхохоталась, отчего боль ее усилилась и лицо внезапно помертвело.

– Что с вами? – спросила в испуге принцесса.

– Ничего, пустяки... Я слишком много смеялась... Перейдем к четвертому шансу.

– Не могу себе представить его.

– Простите, я тоже могу выиграть браслеты, и если выиграю, положитесь на меня.

– Спасибо, спасибо! – воскликнула принцесса.

– Итак, я надеюсь, что вы избраны судьбой и что теперь мой сон начинает приобретать реальные очертания.

– Право, вы внушаете мне надежду и уверенность, – сказала принцесса, – и выигранные таким образом браслеты будут для меня еще во сто раз драгоценнее.

– Итак, до вечера!

– До вечера!

И они расстались.

Анна Австрийская подошла к браслетам и заметила вслух, рассматривая их:

– Они действительно драгоценны, потому что сегодня вечером с их помощью я завоюю одно сердце и открою одну тайну.

Потом, обернувшись к пустому алькову, прибавила:

– Не правда ли, моя бедная Шеврез, ты так повела бы игру? – И звуки этого забытого имени пробудили в душе королевы воспоминания о молодости с ее веселыми проказами, неиссякаемой энергией и счастьем.

VII

Лотерея

В восемь часов вечера все общество собралось у королевы-матери.

Анна Австрийская в парадном туалете, блистая остатками красоты и всеми средствами, которые кокетство может дать в искусные руки, скрывала или, вернее, пыталась скрыть от толпы молодых придворных, окружавших ее и все еще восхищавшихся ею по причинам, указанным нами в предыдущей главе, явные разрушения, вызванные болезнью, от которой ей предстояло умереть через несколько лет.

Нарядно и кокетливо одетая принцесса и королева – простая и естественная, как всегда, сидели подле Анны Австрийской и наперебой старались привлечь к себе ее милостивое внимание.

Придворные дамы объединились в целую армию, чтобы с большей силой и с большим успехом отражать задорные остроты молодых людей. Как батальон, выстроенный в каре, они помогали друг другу держать позицию и отбивать удары.

Монтале, опытная в таких перестрелках, защищала весь строй непрерывным огнем по неприятелю.

Де Сент-Эньян, в отчаянии от упорной, вызывающей холодности мадемуазель де Тонне-Шарант, старался выказы-

вать ей равнодушие; но неодолимый блеск больших глаз красавицы каждый раз побеждал его, и он возвращался к ней с еще большей покорностью, на которую мадемуазель де Тонне-Шарант отвечала ему новыми дерзостями. Де Сент-Эньян не знал, какому святому молиться.

Вокруг Лавальер уже начали увиваться придворные.

Надеясь привлечь к себе взгляды Атенаис, де Сент-Эньян тоже подошел с почтительным поклоном к этой юной девушке. Некоторые отсталые умы приняли этот простой маневр за желание противопоставить Луизу Атенаис.

Но те, кто так думал, не видели сцены во время дождя и ничего не слышали о ней. Большинство же было прекрасно осведомлено о благосклонности короля к Лавальер, и девушка уже привлекла к себе самых ловких и самых глупых.

Первые угождали ей, говоря себе, как Монтень: «Что знаю я?», вторые – говоря, как Рабле⁷: «А может быть?» За ними пошли почти все, как во время охоты вся свора устремляется за пятью или шестью искусными ищейками, которые одни только чуют след зверя.

Королева и принцесса, забывая о своем высоком положении, с чисто женским любопытством рассматривали туалеты своих фрейлин и приглашенных дам. Иными словами, они беспощадно критиковали их. Взгляды молодой королевы и принцессы одновременно остановились на Лавальер, вокруг

⁷ *Рабле* Франсуа (1494–1553) – французский писатель-гуманист, автор знаменитого романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533–1546).

которой, как мы сказали, толпилось много кавалеров. Принцесса была безжалостна.

– Право, – сказала она, наклоняясь к королеве-матери, – если бы судьба была справедлива, она оказалась бы милостивой к этой бедняжке Лавальер.

– Это невозможно, – отвечала с улыбкой королева-мать.

– Почему же?

– Билетов только двести, так что нельзя было внести в список всех придворных.

– Значит, ее нет в нем?

– Нет.

– Как жаль! Она могла бы выиграть браслеты и продать их.

– Продать? – воскликнула королева.

– Ну да, и составить себе таким образом приданое, избавив себя от необходимости выйти замуж нищей, как это, наверное, случится.

– Неужели? Вот бедняжка! – сказала королева-мать. – Значит, у нее нет туалетов?

Она произнесла эти слова тоном женщины, никогда не знавшей недостатка в средствах.

– Прости меня боже, но мне кажется, что она в той же юбке, в какой была утром на прогулке; ей удалось спасти свой наряд благодаря заботам короля, укрывавшего ее во время дождя.

Когда принцесса произносила эти слова, появился король. Принцесса его не заметила, настолько она увлеклась злосло-

вием. Но она вдруг увидела, что Лавальер, стоявшая против галереи, смутилась и что-то сказала окружающим ее придворным; те тотчас же отошли в сторону. Именно их маневры заставили принцессу перевести взгляд к входной двери. В этот момент капитан гвардии известил о приходе короля.

Лавальер, которая все время пристально смотрела на галерею, внезапно опустила глаза.

Король был одет роскошно и со вкусом и разговаривал с принцем и герцогом де Роклором⁸, шедшими справа и слева от него. Король подошел сначала к королевам, которым почтительно поклонился. Он поцеловал руку матери, сказал несколько комплиментов принцессе по поводу элегантности ее туалета и стал обходить собравшихся. Он поздоровался с Лавальер точно так же, как и с остальными. Затем его величество вернулся к матери и жене.

Когда придворные увидели, что король обратился к молодой девушке лишь с самой банальной фразой, они поспешили сделать вывод: решили, что у короля было мимолетное увлечение и что это увлечение уже прошло.

Следует, однако, заметить, что в числе придворных, окружавших Лавальер, находился господин Фуке, и его особая внимательность поддержала растерявшуюся молодую девушку. Фуке собирался поговорить с нею, но тут подошел

⁸ *Роклор* Гастон-Жан-Батист (ок. 1615–1683) – французский генерал, герцог и пэр Франции (1652), участник сражения при Рокруа (1643), королевский наместник Гиени (1676).

Кольбер и, отвесив Фуке поклон по всем правилам искусства, по-видимому, решил, в свою очередь, завязать разговор с Лавальер. Фуке тотчас же отошел.

Монтале и Маликорн пожирали глазами эту сцену, обмениваясь впечатлениями.

Де Гиш, стоя в оконной нише, видел только принцессу. Но так как она часто останавливала свой взгляд на Лавальер, то и де Гиш время от времени поглядывал в сторону фрейлины.

Лавальер инстинктивно почувствовала на себе силу его взглядов, в которых читались то ли любопытство, то ли зависть. Но ничто не могло ей помочь: ни сочувственные слова подруг, ни любовный взгляд короля. Невозможно выразить, как страдала бедняжка.

Королева-мать велела выдвинуть столик, на котором были разложены лотерейные билеты, и попросила госпожу де Мотвиль прочесть список избранных для участия в лотерее.

Нечего и говорить, что список был составлен по всем правилам этикета: сначала шел король, потом королева-мать, потом королева, принц, принцесса и т. д. Все сердца трепетали во время этого чтения. Приглашенных было более трехсот. Каждый спрашивал себя, будет ли в списке его имя.

Король слушал так же внимательно, как и остальные. Когда было произнесено последнее имя, он понял, что Лавальер в список внесена не была. Впрочем, это мог заметить каждый. Король покраснел, как всегда, когда что-нибудь до-

саждало ему.

На лице кроткой и покорной Лавальер не отразилось ничего.

Во время чтения король не спускал с нее глаз. И это успокаивало ее. Она была слишком счастлива, чтобы любая другая мысль, кроме мысли о любви, могла проникнуть в ее ум или в ее сердце. Вознаграждая ее за это трогательное смирение нежными взглядами, король показывал девушке, что он понимает всю деликатность ее положения.

Список был прочитан. Лица женщин, пропущенных или забытых, выражали разочарование. Маликорна тоже забыли внести в список, и его гримаса явно говорила Монтале: «Разве мы не сумеем урезонить фортуна, чтобы она впредь не забывала о нас?»

«О, конечно», – отвечала тонкая улыбка мадемуазель Оры.

Билеты были розданы по номерам. Номер первый получил король, потом королева-мать, потом королева, потом принц, принцесса и т. д.

После этого Анна Австрийская раскрыла мешочек из испанской кожи, в котором было двести перламутровых шариков с выгравированными на них номерами, и предложила самой младшей фрейлине вынуть оттуда один шарик.

Все эти приготовления делались не спеша, и присутствовавшие напряженно ждали, больше с жадностью, чем с любопытством.

Де Сент-Эньян наклонился к уху мадемуазель де Тонне-Шарант.

– У нас по билету, мадемуазель, – сказал он ей, – давайте объединим наши шансы. Если я выиграю, браслеты будут ваши, если выиграете вы, вы подарите мне один взгляд ваших чудных глазок.

– Нет, – отвечала Атенаис, – браслеты будут ваши, если вы их выиграете. Каждый за себя.

– Вы беспощадны, – вздохнул де Сент-Эньян, – я накажу вас за это куплетом.

– Тише, – перебила его Атенаис, – вы помешаете мне услышать, какой номер выиграл.

– Номер первый, – произнесла девушка, вынудившая перламутровый шарик из мешочка.

– Король! – вскрикнула королева-мать.

– Король выиграл! – радостно повторила молодая королева.

– Ваш сон сбылся, – с восторгом шепнула принцесса на ухо Анне Австрийской.

Лишь король не выразил никаких признаков удовольствия. Он только поблагодарил фортуна за ее благосклонность к нему, слегка поклонившись девушке, которая играла роль представительницы капризной богини. Получив из рук Анны Австрийской футляр с браслетами, король сказал под завистливый шепот всего собрания:

– Так эти браслеты действительно красивы?

– Взгляните, – отвечала Анна Австрийская, – и судите сами.

Король посмотрел.

– Да, – сказал он, – и какие чудесные камни, какая отделка!

– Какая отделка! – повторила принцесса.

Королева Мария-Терезия с первого же взгляда поняла, что король не подарит ей браслетов, но так как Людовик, по видимому, не собирался дарить их и принцессе, она была более или менее удовлетворена.

Король сел.

Самые приближенные к королю придворные один за другим подходили полюбоваться на драгоценности, которые вскоре с позволения короля стали переходить из рук в руки. Тотчас все знатоки и не знатоки стали издавать восхищенные восклицания и осыпать короля поздравлениями. Действительно, было от чего прийти в восторг: одни восхищались бриллиантами, другие – камнями.

Дамы выражали явное нетерпение, видя, что подобное сокровище захвачено кавалерами.

– Господа, господа, – сказал король, от которого ничего не укрылось, – право, можно подумать, что вы носите браслеты, как сабиняне. Вам пора уже передать их дамам, которые, мне кажется, больше понимают в таких вещах, чем вы.

Эти слова показали принцессе началом выполнения решения, принятого королем. К тому же ее счастливая уверенность

ность подкреплялась взглядами королевы-матери.

Придворный, державший браслеты, когда король бросил свое замечание, поспешно подал браслеты королеве Марии-Терезии, которая, хорошо зная, что они предназначаются не для нее, едва взглянула на них и передала принцессе. Принцесса и особенно принц долго рассматривали браслеты жадными глазами. Потом принцесса передала драгоценности другим дамам, произнесла одно только слово, но с таким выражением, что оно стоило длинной фразы:

– Великолепны!

Дамы, получившие браслеты из рук принцессы, полюбовались ими и отправили дальше.

А тем временем король спокойно разговаривал с де Гишем и Фуке. Вернее, не разговаривал, а слушал. Привыкнув к известным оборотам речи, король, подобно всем людям, обладающим бесспорной властью, схватывал из обращенных к нему фраз лишь те слова, которые заслуживали ответа. Что же касается его внимания, то оно было направлено в другую сторону. Оно перемещалось вслед за браслетами вместе с его взглядом.

Мадемуазель де Тонне-Шарант была последней в списке дам, участвовавших в лотерее. Поэтому она стала в конце шеренги, и за нею были только Монтале и Лавальер. Когда браслеты дошли до этих двух фрейлин, никто уже, казалось, не обращал на них внимания. Скромные руки, державшие в этот момент драгоценности, лишали их всякого значения.

Монтале долго рассматривала браслеты, дрожа от радости, зависти и жадности. Она бы без колебаний предпочла бриллианты камням, стоимость – красоте. Поэтому с большой неохотой передала их своей соседке. Лавальер же бросила на них почти равнодушный взгляд.

– Какие роскошные, какие великолепные браслеты! – воскликнула Монтале. – И ты не приходишь от них в восторг, Луиза? Право, ты не женщина!

– Нет, я восхищена, – отвечала Лавальер с грустью. – Но зачем желать того, что не может нам принадлежать?

Король, чуть подавшись вперед и вытянув шею, внимательно прислушивался к словам Луизы. Едва затих ее голос, как он, весь сияющий, пересек залу и приблизился к Лавальер.

– Вы ошибаетесь, мадемуазель, – сказал он ей, – вы женщина, а всякая женщина имеет право на драгоценности.

– О государь! – воскликнула Лавальер. – Значит, выше величество совершенно не хочет верить в мою скромность?

– Я верю, что вы украшены всеми добродетелями, мадемуазель, в том числе искренностью, и прошу вас откровенно сказать, как вы находите эти браслеты.

– Они так прекрасны, государь, что могут быть поднесены только королеве.

– Я в восторге от ваших слов, мадемуазель. Браслеты ваши, и король просит вас принять их.

Лавальер почти с испугом протянула футляр королю, но

тот мягко отстранил дрожащую руку. Все замерли от удивления, воцарилась тишина. Лишь королевы, не слышавшие этого разговора, не могли понять всего происходящего.

Принцесса поманила к себе де Тонне-Шарант.

– Боже мой, что за счастливица Лавальер, – воскликнула Атенаис, – король только что подарил ей браслеты!

Принцесса до крови закусила губы. Молодая королева посмотрела на нее, потом на Лавальер и расхохоталась. Анна Австрийская сидела неподвижно, поглощенная зародившимися у нее подозрениями, и невыносимо страдала от боли в груди.

Де Гиш, увидев бледность принцессы и поняв ее причину, поспешно вышел. Воспользовавшись общей суматохой, Маликорн подошел к Монтале и шепнул ей:

– Ора, рядом с тобой наше счастье и наше будущее.

– Да, – отвечала Монтале.

И она нежно поцеловала Лавальер, которую охотно задушила бы.

VIII

Малага

Пока продолжалась эта жестокая борьба страстей, разыгравшихся под кровом королевского дворца, с одним из наших героев, которым меньше всего следовало бы пренебрегать, в обществе перестали считаться. Он был забыт и очень несчастен.

Действительно, д'Артаньян, которого нужно назвать по имени, чтобы вспомнить о его существовании, – д'Артаньян не имел решительно ничего общего с этим блестящим и легкомысленным обществом. Пробыв с королем два дня в Фонтенбло, посмотрев пасторали и героико-комические маскарады своего повелителя, мушкетер почувствовал, что это не может наполнить его жизнь.

Он был окружен людьми, которые поминутно обращались к нему:

– Как, по-вашему, идет мне этот костюм, господин д'Артаньян?

А он отвечал спокойно и насмешливо:

– По-моему, вы разряжены, как самая красивая обезьяна на Сен-Лоранской ярмарке.

Это был обычный комплимент д'Артаньяна. Волей-неволей задавшему вопрос приходилось довольствоваться им.

Когда же его спрашивали:

– Как вы оденетесь сегодня вечером, господин д’Артаньян?

Он отвечал:

– Наоборот, я разденусь.

И все хохотали, даже дамы.

Но, проведя таким образом два дня, мушкетер увидел, что в замке не происходит ничего серьезного и что король совершенно забыл или, по крайней мере, делал вид, что совершенно забыл и Париж, и Сен-Манде, и Бель-Иль; что Кольбер размышлял только об иллюминациях и фейерверках, что дамам предстояло, по крайней мере, еще целый месяц строить глазки и отвечать на нежные взоры.

И д’Артаньян попросил у короля отпуск по семейным делам.

Д’Артаньян обратился к королю с этой просьбой, когда Людовик ложился спать, утомленный танцами.

– Вы хотите меня покинуть, господин д’Артаньян? – с удивлением спросил он.

Людовик XIV никак не мог понять, чтобы кто-нибудь, имея счастье лицезреть его, был в силах расстаться с ним.

– Государь, – сказал д’Артаньян, – я уезжаю, потому что я вам не нужен. Ах, если бы я мог поддерживать вас во время танцев, тогда другое дело.

– Но, дорогой д’Артаньян, – серьезно отвечал король, – кавалеров не поддерживают во время танцев.

– Простите, – поклонился мушкетер, продолжая иронизировать, – право, я этого не знал.

– Значит, вы не видели, как я танцую? – удивился король.

– Видел, но я думал, что с каждым днем танцы будут исполняться все с большим жаром. Я ошибся; тем более мне здесь нечего делать. Государь, повторяю, я вам не нужен. Кроме того, если я понадобится, ваше величество знаете, где меня найти.

– Хорошо, – согласился король. И дал ему отпуск.

Поэтому мы не станем искать д'Артаньяна в Фонтенбло. Это было бы бесполезно. Но, с позволения читателей, поедем прямо на Ломбардскую улицу, в лавку под вывеской «Золотой пестик», к нашему почтенному приятелю Планше.

Восемь часов вечера, жарко, открыто одно-единственное окно в комнате на антресолях. Ноздри мушкетера щекочет запах пряностей, смешанный с менее экзотическим, но более едким, проникающим с улицы запахом навоза.

Д'Артаньян устроился в просторном кресле, положив ноги на табурет, так что его туловище образует тупой угол. Его взгляд, обычно пронизательный и подвижный, теперь застыл. Д'Артаньян тупо смотрит на кусочек голубого неба, виднеющийся в просвете между трубами. Этот лоскуток неба так мал, что его хватило бы только на починку мешков с чечевицей или бобами, которыми завалена лавка в нижнем этаже.

Окаменевший в этой позе, д'Артаньян не похож больше

на вояку, не похож и на придворного офицера. Это просто буржуа, дремлющий от обеда до ужина, от ужина до отхода ко сну. Мозг его теперь так окостенел, что в нем не осталось места ни для одной мысли, материя всецело завладела духом и бдительно стережет, как бы под крышку черепа не пробрался контрабандой какой-нибудь обрывок мысли.

Итак, был вечер; в лавках зажигались огни, а окна в верхних этажах закрывались; раздавались шаги сторожевого патруля.

Д'Артаньян по-прежнему ничего не слышал и тупо смотрел на клочок неба. В двух шагах от него, в темноте, лежал на мешке Планше, подперев подбородок руками. Он смотрел на д'Артаньяна, который то ли мечтал, то ли спал с открытыми глазами.

Наблюдения Планше длились уже долго.

– Гм, гм... – проворчал он наконец.

Д'Артаньян не шевельнулся. Тогда Планше понял, что нужно принять какие-то более радикальные меры. После зрелого размышления он нашел, что при настоящем положении вещей самое лучшее слезть с мешка на пол, что он и сделал, пробормотав при этом:

– Болван! (Этим эпитетом он наградил самого себя.)

Но д'Артаньян, которому в своей жизни довелось слышать немало шумов, по-видимому, не обратил ни малейшего внимания на шум, произведенный Планше. Вдобавок огромная телега, нагруженная камнями, своим грохотом заглуши-

ла шум, произведенный Планше. Однако ему показалось, будто на лице мушкетера при слове «болван» промелькнула одобрительная улыбка.

Планше осмелел и сказал громче:

– Вы не спите, господин д'Артаньян?

– Нет, Планше, я *даже* не сплю, – отвечал мушкетер.

– Я в отчаянии от слова *даже*.

– Почему? Ведь это самое обычное слово.

– Оно меня огорчает.

– Я тебя не понимаю. В чем дело?

– Если вы говорите, что даже не спите, это значит, что вы не находите утешения даже во сне. Значит, вы как будто обращаетесь ко мне: «Планше, мне до смерти скучно».

– Ты знаешь, Планше, что я никогда не скучаю.

– Кроме сегодняшнего и вчерашнего дня.

– Что ты!

– Господин д'Артаньян, вот уже неделя, как вы приехали из Фонтенбло; вот уже неделя, как вы не командуете вашим отрядом и не выводите его на учение. Вам не хватает треска мушкетов и грохота барабана. Я сам носил мушкет и понимаю вас.

– Уверяю тебя, Планше, что я ничуть не скучаю, – отвечал д'Артаньян.

– Так что же, в таком случае, вы делаете, лежа как мертвый?

– Друг мой Планше, когда я участвовал, когда ты участво-

вал, когда все мы участвовали в осаде Ла-Рошели, в нашем лагере был араб, искусный стрелок из кулеврины. Это был смышленный малый, хотя и оливкового цвета. Так вот этот араб, поев или поработав, ложился, так же как и я лежу в данную минуту, и курил какие-то волшебные листья в трубке с янтарным наконечником; если же какой-нибудь проходивший мимо офицер упрекал его за то, что он вечно дрыхнет, араб спокойно отвечал: «Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, лучше умереть, чем лежать».

– Это был мрачный араб и по цвету кожи, и по изречению, – промолвил Планше. – Я отлично его помню. Он с большим наслаждением рубил головы протестантам.

– Совершенно верно, и бальзамировал их, когда они того стоили.

– Да, и бальзамируя их своими зельями, он был похож на корзинщика за работой.

– Да, да, Планше, совершенно верно.

– О, и у меня есть память!

– Не сомневаюсь. Но что скажешь ты о его рассуждении?

– С одной стороны, я нахожу его превосходным, а с другой – глупым.

– Объясни, Планше, объясни.

– «Лучше сидеть, чем стоять» – да, это верно, когда устанешь; в некоторых обстоятельствах... (Планше лукаво улыбнулся) – «лучше лежать, чем сидеть». – Но последнее утверждение: «Лучше умереть, чем лежать» – я нахожу совершен-

но нелепым; я, безусловно, предпочитаю постель. Если вы не согласны со мною, то это доказывает только, что вы, как я уже имел честь заметить, смертельно скучаете.

– Планше, ты знаешь господина Лафонтена?

– Аптекаря на углу улицы Сен-Медерик?

– Нет, баснописца.

– А-а-а... «Ворона и лисица»?

– Вот-вот. Я точь-в-точь его заяц.

– Разве у него есть и заяц?

– У него всякие звери.

– Что же делает его заяц?

– Раздумывает.

– Вот как?

– Планше, и я раздумываю, как заяц господина Лафонтена.

– Вы думаете? – с тревогой спросил Планше.

– Да. Твое жилище, Планше, достаточно уныло и толкает к размышлениям. Надеюсь, ты согласен со мной?

– Однако, сударь, ваши окна выходят на улицу.

– Черт возьми, как это весело!

– А между тем, сударь, если бы ваша комната выходила во двор, вы скучали бы еще сильнее... Нет, я хотел сказать: размышляли бы еще глубже.

– Ей-богу, не знаю, Планше!

– Добро бы еще, – продолжал лавочник, – ваши мысли были похожи на те, что привели вас к реставрации Карла Вто-

рого. – И Планше тихонько засмеялся.

– Планше, друг мой, – упрекнул его д'Артаньян, – вы становитесь честолюбивы!

– Разве нет еще какого-нибудь короля, которого можно было бы посадить на трон, господин д'Артаньян? Разве нет другого Монка, которого можно было бы упрятать в тюрьму?

– Нет, дорогой Планше. Все короли сидят на своих тронах... Впрочем, может быть, не так прочно, как я на этом кресле, но все-таки сидят.

И д'Артаньян вздохнул.

– Господин д'Артаньян, – сказал Планше, – вы огорчаете меня.

– Ты очень добр, Планше.

– У меня есть одно подозрение, да простит меня Господь.

– Какое?

– Господин д'Артаньян, вы худеете.

– О-о-о! – воскликнул д'Артаньян и ударил себя в грудь, которая зазвенела, как пустая кираса. – Этого не может быть!

– Видите ли, – с чувством продолжал Планше, – так как вы худеете у меня...

– Ну?

– То я совершу что-нибудь страшное.

– Брось, – отмахнулся д'Артаньян.

– Да, да, – уверял Планше.

– Что же ты сделаешь, скажи!

– Разущу того, кто огорчил вас.

– Ну вот, теперь ты говоришь о каком-то огорчении.

– Да, вы чем-то огорчены.

– Нет, Планше, нет.

– Уверяю, что в вас сидит печаль и от нее вы худеете.

– Я худею? Ты уверен в этом?

– На глазах... Малага!.. Если вы будете худеть и дальше, я возьму рапиру и проткну грудь господину д'Эрбле.

– Что?! – воскликнул д'Артаньян, подскочив в кресле. – Что вы сказали, Планше? Почему в вашей лавочке вдруг вспомнили господина д'Эрбле?

– Хорошо, хорошо! Сердитесь, если вам угодно, проклинайте, если хотите, но – черт возьми! – я знаю то, что знаю.

После этого второго выпада Планше д'Артаньян сел в такой позе, чтобы не упустить ни одного движения достойного бакалейщика, то есть облокотился о колени и вытянул шею по направлению к собеседнику.

– Ну-ка, ответь, – сказал он, – как мог ты произнести такое страшное кощунство, как мог ты даже подумать о том, чтобы поднять оружие на господина д'Эрбле, твоего прежнего господина, моего друга, священника, мушкетера, ставшего епископом?

– Я поднял бы оружие даже на родного отца, когда вижу вас в таком состоянии.

– Господин д'Эрбле – дворянин.

– Мне все равно, будь он хоть трижды дворянин. Из-за него у вас черные мысли, вот что я знаю. А от черных мыс-

лей худеют. Малага! Я не хочу, чтобы господин д'Артаньян отощал у меня в доме.

– Черные мысли из-за господина д'Эрбле? Объяснись, пожалуйста, объяснись.

– Уже три ночи подряд вас мучает кошмар.

– Меня?

– Да, вас, и во сне вы повторяете: «Арамис, коварный Арамис!»

– Я говорил это? – тревожно спросил д'Артаньян.

– Говорили, честное слово!

– Ну и что? Ведь ты, друг мой, знаешь поговорку: всякий сон – ложь.

– Нет, нет! Вот уже три дня, как, возвращаясь домой, вы каждый раз спрашиваете: «Ты видел господина д'Эрбле?» или же: «Ты не получал писем на мое имя от господина д'Эрбле?»

– Что же тут странного, если я интересуюсь своим дорогим другом? – ухмыльнулся д'Артаньян.

– Это, конечно, вполне естественно, но не до такой степени, чтобы из-за этого уменьшаться в объеме.

– Планше, я потолстею, даю тебе честное слово.

– Хорошо, сударь, принимаю ваше обещание, так как знаю, что ваше честное слово священно...

– Мне больше не будет сниться Арамис.

– Прекрасно!..

– Я больше не буду спрашивать у тебя, получены ли пись-

ма от господина д'Эрбле.

– Превосходно.

– Но объясни мне одну вещь.

– Говорите, сударь...

– Я человек наблюдательный...

– Я это отлично знаю...

– Сейчас ты произносил странное ругательство... Я его никогда от тебя раньше не слышал.

– «Малага» – хотите вы сказать?

– Да.

– Я всегда так ругаюсь с тех пор, как стал лавочником.

– Но ведь так называется сорт изюма.

– Я ругаюсь так, когда взбешен. Если я сказал «малага» – значит, я перестал владеть собой.

– Но прежде я не слыхал от тебя ничего подобного.

– Вы правы, сударь. Меня научили.

И, произнося эти слова, Планше подмигнул так хитро, что д'Артаньян внимательно взглянул на него.

– Эге! – протянул он.

Планше повторил:

– Эге!

– Вот как, вот как, господин Планше!

– Ей-богу, сударь, – сказал Планше, – я не похож на вас, я не люблю предаваться размышлениям.

– Напрасно.

– Я хочу сказать – не люблю скучать, сударь. Жизнь так

коротка, почему же ею не пользоваться?

– О, да ты эпикурец⁹, Планше!

– А почему же мне не быть им? Руки у меня ловкие, пишу ли я или отвечаю сахар и пряности; ноги крепкие, танцую я или гуляю; желудок отменный, и ем хорошо и перевариваю, сердце не очень заскорузло... Словом, сударь...

– Словом, Планше?

– Да вот... – протянул лавочник, потирая руки.

Д'Артаньян положил ногу на ногу.

– Планше, друг мой, вы меня огорошили. Вы предстаете предо мной в совершенно новом свете.

Планше, польщенный в высшей степени, продолжал потирать руки с такой силой, словно хотел стянуть с них кожу.

– Значит, оттого, что я простой человек, вы считали меня болваном?

– Bravo, Планше, превосходное рассуждение.

– Извольте следить за моей мыслью, сударь. Я сказал, – продолжал Планше, – что без наслаждений нет счастья на земле...

– Ты абсолютно прав, Планше! – перебил его д'Артаньян.

– ...Но так как наслаждения – вещь далеко уж не такая обыкновенная, то ограничимся утешениями.

– И ты утешаешься?

– Именно.

⁹ Эпикурец – человек, выше всего ставящий личные удовольствия и чувственные наслаждения.

– Расскажи мне, как ты утешаешься.

– Вступая в бой со скукой, я надеваю против нее броню.

Сначала я терплю, сколько хватает сил, но накануне того дня, когда мне кажется, что я начну скучать, я развлекаюсь.

– И это вся твоя мудрость?

– Вся.

– Ты сам придумал это?

– Сам.

– Чудесно.

– Что вы скажете по этому поводу?

– Скажу, что ни одна философия в мире не сравнится с твоей.

– Так последуйте моему примеру!

– Соблазнительно. Лучшего я не хотел бы; но не все люди одинаковы, и очень может быть, если бы я стал развлекаться, как ты советуешь, я страшно заскучал бы.

– Сначала попробуйте.

– Как же ты развлекаешься? Расскажи.

– Вы заметили, что я по временам уезжаю?

– Дорогой Планше, понимаешь, когда люди видятся почти каждый день и один исчезает, то это очень ощутимо для другого. Разве тебя не беспокоит мое отсутствие, когда я уезжаю из Парижа по делам?

– Еще бы, я тогда словно тело без души.

– Итак, у нас на этот счет нет разногласий. Продолжай!

– А вы обратили внимание, когда я уезжаю?

– Пятнадцатого и тридцатого числа каждого месяца.

– И отсутствую?..

– Иногда два, иногда три, иногда четыре дня.

– Что же, по-вашему, я делаю?

– Собираешь деньги.

– И какое у меня, по-вашему, лицо, когда я возвращаюсь?

– Очень довольное.

– Значит, вы заметили, когда я бываю очень доволен. И чему вы приписываете мое хорошее настроение?

– Тому, что твоя торговля шла хорошо; тому, что ты выгодно закупил рис, сливы, сахар, сушеные груши и патоку. У тебя всегда был очень живой характер, Планше, поэтому я несколько не удивился, узнав, что ты занялся бакалейной торговлей. Ведь это самая живая и самая приятная торговля, и, занимаясь ею, постоянно имеешь дело с самыми ароматными плодами земли.

– Хорошо сказано, сударь. Но вы ошибаетесь!

– Неужели ошибаюсь?

– Да, предполагая, что каждые две недели я уезжаю за деньгами или за покупками. Бог с вами, сударь, как вы могли подумать о таком!

И Планше так расхохотался, что у д'Артаньяна зародились большие сомнения насчет собственной проницательности.

– Признаюсь, – улыбнулся мушкетер, – что ты гораздо хитрее, чем я считал.

– Сударь, это правда.

– Как правда?

– Вероятно, правда, раз вы говорите; но поверьте, что это нисколько не уронило вас в моих глазах.

– Я очень рад.

– Ей-богу, вы человек гениальный. Когда дело касается войны, неожиданных решений, тактики и ловких ударов... О, короли ничто рядом с вами! Но когда речь идет о душевных и телесных радостях, о сладостях жизни, если можно так выразиться, ах, сударь, гениальные люди никуда не годятся! Они – сами себе палачи.

– Ей-богу, Планше, – сказал д'Артаньян, сгоравший от любопытства, – ты меня страшно заинтриговал.

– Вам уже не так скучно, не правда ли?

– Я не скучал. Однако с тех пор, как ты начал говорить, мне стало гораздо веселее.

– Отлично для начала! Я вас вылечу, ручаюсь вам.

– Был бы очень рад.

– Давайте попробуем?

– Хоть сейчас.

– Ладно. У вас есть здесь лошади?

– Да, десять, двадцать, тридцать.

– Так много не нужно. Хватит и двух.

– Они в твоём распоряжении, Планше.

– Прекрасно, я вас увезу.

– Когда?

– Завтра.

– Куда?

– Вы хотите знать слишком много.

– Однако согласись, что мне нужно знать, куда я еду.

– Вы любите деревню?

– Не очень, Планше.

– Значит, вы любите город?

– Смотря по обстоятельствам.

– Ну, так я отвезу вас в одно место, которое наполовину город, наполовину деревня.

– Хорошо.

– И там вам будет очень весело, я в этом уверен.

– Прекрасно!

– И – о чудо! – это то самое место, откуда вы только что бежали от скуки.

– Я?

– Да, вы смертельно скучали.

– Значит, ты едешь в Фонтенбло?

– Именно в Фонтенбло.

– Боже мой, что же ты там будешь делать?

В ответ на эти слова Планше лукаво подмигнул д'Артаньяну.

– У тебя, злодей, есть там недвижимость? – продолжал мушкетер.

– О, домишко, сущая безделица! Но очень милый, честное слово.

– Я еду в твое поместье, Планше! – воскликнул д'Арта-

ньян.

– Когда пожелаете?

– А разве мы не условились на завтра?

– Хорошо, завтра; к тому же завтра четырнадцатое число, то есть канун того дня, когда я боюсь соскучиться. Итак, решено?

– Решено.

– Вы дадите мне одну из ваших лошадей?

– Лучшую.

– Нет, я предпочел бы самую смирную; вы ведь знаете, я никогда не был хорошим наездником. А в лавке я окончательно отвык. И потом...

– Что потом?

– Потом, – продолжал Планше, снова подмигивая, – я не хочу утомляться.

– Почему? – решил спросить д'Артаньян.

– Если бы я устал, какое было бы для меня веселье!

С этими словами он поднялся с мешка кукурузы и стал потягиваться, довольно музыкально похрустывая всеми суставами.

– Планше! Планше! – воскликнул д'Артаньян. – Я считаю, что сибаритам¹⁰ не угнаться за тобой! Ах, Планше! Видно, что мы еще не съели вместе пуда соли.

– Почему же это, сударь?

– Да ведь я еще не знаю тебя, – сказал д'Артаньян, – и те-

¹⁰ *Сибарит* – изнеженный, праздный, избалованный роскошью человек.

перь окончательно утверждаюсь в мысли, которая однажды мелькнула у меня в Булони, когда ты чуть не задушил Любена, лакея господина де Варда. Планше, твоя изобретательность неистошима.

Планше самодовольно засмеялся, пожелал мушкетеру спокойной ночи и спустился в комнату за лавкой, которая служила ему спальней.

Д'Артаньян снова сел в прежней позе, и его лицо, на мгновение прояснившееся, стало еще более задумчивым. Он уже позабыл о сумасбродных идеях Планше.

«Да, – сказал он себе, возвращаясь к мыслям, прерванным только что изложенным приятным разговором. – Надо разобраться в следующем: 1) узнать, чего Безмо хотел от Арамиса; 2) узнать, почему нет вестей от Арамиса; 3) узнать, где Портос. Тут скрыта какая-то тайна. И, – продолжал д'Артаньян, – раз друзья ничего не сообщают мне, обратимся к помощи нашего бедного умишка. Сделаем все, что можно, черт побери, или "Малага!", как говорит Планше».

IX

Письмо господина де Безмо

Чтобы найти ответ на первый вопрос, д'Артаньян на следующее же утро отправился к господину де Безмо.

В Бастилии в этот день производилась уборка: полировали и чистили пушки, скоблили лестницы; казалось, что тюремщики чистят даже ключи. Лишь гарнизонные солдаты разгуливали, ничего не делая, по дворам под предлогом, что они достаточно чисты.

Комендант Безмо принял д'Артаньяна с изысканной вежливостью, но был с ним настолько сдержан, что, несмотря на все старания, д'Артаньяну не удалось выудить из него ни слова. Но чем сдержаннее был комендант, тем недоверчивее становился д'Артаньян. И ему показалось даже, что комендант действует так по какому-то недавно полученному приказанию.

Раньше, в Пале-Рояле, Безмо вел себя с д'Артаньяном совсем иначе. Он не был тем холодным и непроницаемым человеком, каким казался в Бастилии.

Когда д'Артаньян вздумал завести речь о денежных затруднениях, заставивших Безмо отыскивать Арамиса и побудивших коменданта к разговорчивости в тот вечер, Безмо сослался на распоряжение, которое ему нужно было отдать

в тюрьме, и так долго заставил д'Артаньяна скучать в одиночестве, что наш мушкетер, отчаявшись вытянуть у него еще что-нибудь, не дождался его возвращения и ушел.

Но у д'Артаньяна возникли подозрения, а в таких случаях ум его не дремал. Как кошка среди четвероногих, так и д'Артаньян среди людей был живым воплощением тревоги и нетерпения. Встревоженная кошка так же не способна оставаться на месте, как шелковая нить, колеблемая ветром. Кошка, подстерегающая мышь, замирает на своем наблюдательном посту, и ни голод, ни жажда не способны заставить ее даже пошевелиться.

Горевший нетерпением д'Артаньян вдруг стряхнул с себя это чувство, как слишком тяжелый плащ. Он пришел к убеждению, что от него скрывают как раз то, что ему важно знать. Развивая свои мысли, он пришел к выводу, что Безмо не преминет сообщить Арамису о только что нанесенном визите, если Арамис действительно дал ему какое-нибудь предписание. Так и случилось.

Не успел еще Безмо вернуться из тюрьмы, как д'Артаньян спрятался в засаду возле улицы Пти Мюск, откуда видно было всех выходящих из Бастилии. Пробыв около часа в тени навеса возле гостиницы «Золотая борона», д'Артаньян увидел наконец, как из тюрьмы вышел солдат.

Он-то и был нужен. В Бастилии каждый сторож, каждый тюремщик имел свои выходные дни, даже часы, потому что никому из них не позволялось жить в крепости и приводить

туда своих жен. Они могли выходить, следовательно, не возбуждая любопытства.

Но стоявших там солдат запирали на сутки, что всем было известно, и д'Артаньяну лучше, чем другим. Такие солдаты могли выходить в форме только по особому приказанию, по срочному делу.

Итак, из ворот Бастилии показался солдат и пошел медленно-медленно, с видом счастливого смертного, который, вместо караула у проклятой гауптвахты или на не менее скучном бастионе, неожиданно получает свободу и возможность прогуляться, причем эти два удовольствия сочетаются у него с исполнением служебного поручения. Солдат направился к предместью Сент-Антуан, упиваясь свежим воздухом, солнцем и поглядывая на женщин.

Д'Артаньян издали стал следить за ним. Его намерения еще не определились.

– Прежде всего нужно рассмотреть лицо этого простака. Увидев человека, легче судить о нем.

Д'Артаньян ускорил шаг и без труда обогнал солдата. Он не только разглядел его смышленное и решительное лицо, но заметил также, что у него был довольно-таки красный нос.

«Малый любит выпить», – мелькнуло у него в голове.

Кроме красного носа, он обратил внимание на сложенный лист белой бумаги за поясом солдата.

«Отлично, у него есть письмо, – продолжал рассуждать д'Артаньян. – Солдат, должно быть, очень рад, что на него

пал выбор господина Безмо. Он не продаст послания».

Пока д'Артаньян досадовал на это обстоятельство, солдат продолжал шагать по направлению к Сент-Антуанскому предместью.

«Он, конечно, направляется в Сен-Манде, – решил мушкетер, – и я не узнаю, что в этом письме...»

Было о чем задуматься.

«Если бы я был в форме, – сказал д'Артаньян, – я велел бы задержать молодца вместе с письмом. Первый же патруль помог бы мне. Но, черт возьми, не стану же я объявлять свое имя ради подобного подвига! Напоить его? Но у него родятся подозрения, и я сам, чего доброго, опьянею... Ах, черт побери, какой же я стал безмозглый! Напасть на несчастного, обезоружить его, убить из-за письма? На это можно было бы пойти, если бы дело шло о письме королевы к лорду или о письме кардинала к королеве. Но боже мой, из-за жалких интриг господ Арамиса и Фуке против господина Кольбера погубить человеческую жизнь! Нет, это не стоит даже десяти экю!»

Так он философствовал, грызя ногти и кусая усы, и вдруг увидел небольшую группу полицейских с комиссаром. Они вели внешне весьма красивого человека, отбивавшегося от них изо всех сил. Полицейские изорвали на нем одежду и тащили его. Арестованный требовал, чтобы с ним обращались вежливо, заявляя, что он дворянин.

Завидев нашего посыльного, бедняга крикнул:

– Эй, солдат, сюда!

Солдат подошел к арестованному. Вокруг полицейских стала собираться толпа.

И тут же у д'Артаньяна родилась мысль. Это была первая его мысль и, как читатель увидит, неплохая.

Дворянин стал рассказывать солдату, что его захватили в одном доме как вора, тогда как на самом деле он был любовником хозяйки. Курьер выразил ему сочувствие и стал утешать, давая советы со всей серьезностью, какую французский солдат вкладывает в свои слова, когда дело касается самолюбия и духа корпорации. Д'Артаньян подкрался к солдату, тесно окруженному толпой, и ловко вытащил у него бумагу из-за пояса. Так как в этот момент дворянин в разорванной одежде тянул солдата в свою сторону, а комиссар дергал дворянина к себе, то д'Артаньян овладел письмом без малейшей помехи.

Он отошел шагов на десять за угол и прочел адрес:

«Господину дю Валлону у господина Фуке, в Сен-Манде».

– Отлично, – сказал д'Артаньян.

И, не разрывая конверта, он осторожно вскрыл его и вытащил сложенный вчетверо лист, на котором увидел следующие слова:

«Дорогой дю Валлон. Благоволите передать господину

д'Эрбле, что он приходил в Бастилию и расспрашивал.

Преданный вам де Безмо».

– Ну, теперь все ясно! – воскликнул д'Артаньян. – Портос с ними заодно.

Узнав то, что ему было нужно, мушкетер подумал:

«Черт возьми! Бедному солдатику достанется от Безмо за мою проделку... Если он вернется без письма... Что ему будет? В сущности, мне вовсе не нужно это письмо; когда яйцо съедено, зачем скорлупа?»

Д'Артаньян увидел, что комиссар и полицейские убедили солдата не вмешиваться и повели арестованного дальше. Посланца Безмо по-прежнему окружала толпа.

Д'Артаньян замешался в самую гущу, незаметно уронил письмо и поспешно удалился. Наконец солдат снова двинулся в путь по направлению к Сен-Манде, продолжая думать о дворянине, который просил его заступничества. Вдруг он вспомнил о поручении, взглянул на пояс и увидел, что письма нет. Его отчаянный крик доставил удовольствие д'Артаньяну.

Бедняга принялся оглядываться с выражением ужаса на лице и наконец на расстоянии шагов двадцати от себя заметил бесценный конверт. Он устремился к нему, как сокол бросается на добычу. Правда, конверт немного запылится и помялся, но письмо все же было найдено.

Д'Артаньян заметил, что сломанная печать очень обеспокоила солдата. Однако он, по-видимому, быстро утешился и

снова сунул бумагу за пояс.

«Ступай, – мысленно напутствовал его д'Артаньян, – у меня теперь достаточно времени; можешь опередить меня. Должно быть, Арамиса нет в Париже, раз Безмо пишет Портосу. Милый Портос, как приятно будет повидаться с ним... и побеседовать» – так заключил свои размышления гасконец.

И, соразмеряя свои шаги с шагами солдата, мушкетер решил явиться к господину Фуке через четверть часа после солдата.

Х

Читатель с удовольствием узнает, что сила Портоса нисколько не убавилась

Д'Артаньян по привычке произвел расчет, и у него получилось, что час равняется шестидесяти минутам, а минута шестидесяти секундам. Благодаря этому совершенно правильному вычислению минут и секунд он подошел к дверям дома суперинтенданта как раз в тот момент, когда солдат выходил оттуда с пустым поясом.

Консьерж в расшитом кафтане приоткрыл перед ним дверь. Д'Артаньяну очень хотелось войти без доклада, но это было немислимо. Он назвал себя. Казалось, это должно было снять все сомнения, так, по крайней мере, думал д'Артаньян, но консьерж колебался. Однако, вторично услышав слова «капитан королевской гвардии», он перестал загоразивать дверь, хотя и не пропускал пока в дом.

Д'Артаньян понял, что слуге был дан строжайший приказ. Он решил поэтому солгать, что, впрочем, не стоило ему большого труда в тех случаях, когда он видел во лжи государственную пользу или даже просто личную выгоду. Поэтому он добавил, что это он послал солдата, доставившего письмо

господину дю Валлону, и что в этом письме сообщается о его личном прибытии. После этого двери раскрылись настежь и д'Артаньян вошел.

Его хотел проводить лакей, но д'Артаньян заявил, что это лишнее, ибо он прекрасно знает, как пройти к господину дю Валлону. Человеку столь хорошо осведомленному возражать было нечего. И д'Артаньян получил свободу действий.

Подъезды, салоны, сады – все было осмотрено мушкетером. Добрые четверть часа он бродил по этому более чем королевскому дворцу, где каждая вещь была чудом и где было столько же слуг, сколько колонн и дверей.

«И в самом деле, этим комнатам нет конца... – подумал он. – Может быть, Портос вернулся в Пьерфон, не выходя из дома господина Фуке?»»

Наконец д'Артаньян зашел в дальнюю часть дворцовой усадьбы, которая была опоясана каменной оградой, увитой декоративными растениями со множеством пышных цветов.

На равных расстояниях друг от друга по ограде поднимались статуи. Весталки¹¹, закутанные в пеплумы¹², ниспадавшие широкими складками, как бы стояли на страже, устремляя на дворец свои робкие взгляды. Гермес¹³, прижавший

¹¹ *Весталки* – жрицы римской богини Весты, пользовавшиеся исключительными почестями и привилегиями в Риме. В свою очередь, они должны были блюсти строгий обет целомудрия, за нарушение которого их заживо закапывали в землю.

¹² *Пеплум* – в Древней Греции и Древнем Риме женская верхняя одежда из легкой ткани в складках, без рукавов, надевавшаяся поверх туники.

¹³ *Гермес* – в греческой мифологии бог торговли, впоследствии вестник Зевса.

палец к губам, Ирида¹⁴, расправившая крылья, Ночь со снопом маков возвышались над садами и постройками, белели на фоне высоких черных кипарисов, тянувшихся вершинами к небу.

Вокруг кипарисов росли вьющиеся розы, цеплявшиеся своими усыпанными цветами ветками за каждый сучок и осыпавшие статуи дождем благоуханных лепестков.

Эта волшебная красота настроила мушкетера на поэтический лад. Мысль, что Портос живет в таком раю, возвышала Портоса в его глазах.

Д'Артаньян увидел дверь и нажал на ручку. Дверь открылась. Он вошел и оказался в круглом павильоне, где не было слышно ничего, кроме журчания фонтана и пения птиц.

У дверей павильона мушкетера встретил лакей.

– Здесь живет барон дю Валлон? – решительным тоном спросил д'Артаньян.

– Да, сударь, – отвечал лакей.

– Доложите ему, что его ждет шевалье д'Артаньян, капитан мушкетеров его величества.

Д'Артаньяна ввели в салон. Ему не пришлось долго ждать: вскоре пол соседней залы задрожал под хорошо знакомыми шагами, дверь распахнулась, и Портос с некоторым смущением бросился в объятия своего друга.

¹⁴ *Ирида* – в греческой мифологии быстрая, крылатая вестница богов, прислужница Геры, сходящая на Землю по радуге. Позднее функция вестника была вытеснена Гермесом.

– Вы здесь? – воскликнул он.

– А вы? – отвечал д'Артаньян. – Ах, хитрец!

– Да, – со смущенной улыбкой ответил Портос. – Да, вы находите меня у господина Фуке, и это вас немного удивляет?

– Ничуть; почему бы вам не быть другом господина Фуке? У господина Фуке много друзей, особенно среди людей умных.

Портос из скромности сделал вид, что этот комплимент он не относит на свой счет.

– К тому же, – добавил он, – вы меня видели в Бель-Иле.

– Лишнее основание считать вас другом господина Фуке.

– Я просто знаком с ним, – бормотал Портос с некоторым замешательством.

– Ах, друг мой, как вы провинились передо мной!

– Чем? – воскликнул Портос.

– Как! Вы работаете над возведением укреплений Бель-Иля и ни слова не сообщаете мне об этом.

Портос покраснел.

– Больше того, – продолжал д'Артаньян, – вы меня там встречаете, вы знаете, что я на службе у короля, и не догадываетесь, что король, жаждущий узнать, что это за замечательный человек возводит сооружения, о которых ему рассказывают чудеса, не догадываетесь, что король послал меня собрать сведения об этом человеке.

– Как, король послал вас собрать сведения?

– Разумеется! Но не будем говорить об этом.

– Черт побери! – вскричал Портос. – Напротив, поговорим; значит, король знает, что Бель-Иль укрепляют?

– Еще бы! Королю все известно.

– Но он ведь не знал, кто возводил укрепления?

– Не знал, но, судя по рассказам, подозревал, что строит их какой-то замечательный воитель.

– Черт побери! Если бы я знал это!

– То вы не бежали бы из Вана. Не так ли?

– Нет. Что вы подумали, когда не нашли меня там?

– Я стал размышлять, дорогой мой.

– Ах, вот как... К чему же привели ваши размышления?

– Я догадался обо всем.

– Обо всем?

– Да.

– О чем же вы догадались? Послушаем, – сказал Портос, усаживаясь поудобнее в кресле.

– Прежде всего о том, что вы укрепляете Бель-Иль.

– Ах, это было немудрено! Вы видели меня за работой.

– Погодите; я догадался еще кое о чем. А именно, что вы укрепляете Бель-Иль по приказанию господина Фуке.

– Совершенно верно.

– Еще не все. Начав догадываться, я не останавливаюсь на полпути.

– Милый д'Артаньян!

– Я понял, что господин Фуке намерен сохранять эти ра-

боты в строжайшей тайне.

– Действительно, насколько мне известно, у него было такое намерение, – согласился Портос.

– Да, но известно ли вам, почему он хотел хранить все это в тайне?

– Да просто чтобы никто не знал об укреплении, черт возьми!

– Это во-первых. Но его желание было порождено также мыслью оказать любезность...

– Действительно, я слышал, что господин Фуке человек очень любезный.

– ...Мыслью оказать любезность королю.

– Вот как?

– Это вас удивляет?

– Да.

– Вы этого не знали?

– Нет.

– А я вот знаю.

– Значит, вы провидец.

– Ничуть.

– Откуда же вы знаете в таком случае?

– Все очень просто. Я слышал, как господин Фуке сам говорил это королю.

– Что говорил?

– Что решил укрепить Бель-Иль и поднести его королю в подарок.

– Вы слышали, как господин Фуке говорил все это королю?

– Передаю его подлинные слова. Он даже добавил: «Бель-Иль укреплен одним моим другом, замечательным инженером, и я попрошу позволения представить его королю». «Его имя?» – спросил король. «Барон дю Валлон», – отвечал Фуке. «Хорошо, – сказал король, – вы мне представите его».

– Король так и ответил?

– Слово д'Артаньяна!

– Но почему же меня до сих пор не представили? – удивился Портос.

– Разве вам не говорили об этом представлении?

– Говорили, но я все еще жду его.

– Не беспокойтесь, представят.

– Гм, гм! – в сомнении проворчал Портос.

Д'Артаньян сменил тему разговора.

– Вы, как вижу, живете очень уединенно, дорогой друг, – заметил он.

– Я всегда любил одиночество. Я меланхолик, – вздохнул Портос.

– Странно! – сказал д'Артаньян. – Я что-то не замечал этого раньше.

– Это у меня с тех пор, как я стал заниматься науками, – с озабоченным видом отвечал Портос.

– Надеюсь, что умственный труд не повредил телесному здоровью?

– О, нисколько.

– Силы не убавилось?

– Нисколько, друг мой, нисколько!

– Дело в том, что мне говорили, будто в первые дни после вашего прибытия...

– Я не способен был шевельнуться, не правда ли?

– Как! – улыбнулся д'Артаньян. – Почему же вы не могли шевельнуться?

Портос понял, что сболтнул лишнее, и захотел поправить-ся:

– Я приехал из Бель-Иля на плохих лошадях, и это утомило меня.

– Теперь меня не удивляет, что я видел на обочине дороги семь или восемь павших лошадей, когда ехал вслед за вами.

– Видите ли, я тяжел, – сказал Портос.

– Значит, вы были разбиты?

– Жир мой растопился, вот я и заболел.

– Бедный Портос... Ну а как обошелся с вами Арамис?

– Отлично... Он поручил меня попечению личного врача господина Фуке. Но представьте, что через неделю я стал задыхаться.

– От чего же?

– Комната была слишком мала; я поглощал слишком много воздуха.

– Неужели?

– Так мне сказали, по крайней мере... И меня перевели в

другое помещение.

– И там вы вздохнули свободнее?

– Там мне стало гораздо лучше; но у меня не было никаких занятий, мне нечего было делать. Доктор уверял, что мне нельзя двигаться. Я же, напротив, чувствовал себя сильнее, чем когда-либо. Из-за этого однажды случилась со мною неприятность.

– Какая же?

– Представьте себе, дорогой друг, что я взбунтовался против предписаний дурака доктора и решил выходить, понравится ему это или нет. Итак, я приказал прислуживавшему мне лакею принести платье.

– Вы, значит, были раздеты, мой бедный Портос?

– Нельзя сказать, чтобы совсем, на мне был великолепный халат. Лакей повиновался; я надел свое платье, которое стало мне слишком свободно. Но вот что странно: ноги мои, напротив, увеличились.

– Да, понимаю.

– Сапоги стали очень узкими.

– Значит, ваши ноги распухли?

– Вы угадали.

– И это вы называете неприятным случаем?

– Именно. Я рассуждал не так, как вы. Я сказал себе: «Если на мои ноги десять раз налезали эти сапоги, то нет никаких оснований думать, что они не налезут в одиннадцатый раз».

– На этот раз, милый Портос, позвольте мне заметить, что вы рассуждали нелогично.

– Словом, я уселся около перегородки и попробовал надеть правый сапог. Я тянул его руками, подталкивал другой ногой, делал невероятные усилия, и вдруг оба ушка от сапога остались в моих руках, а нога устремилась вперед, как снаряд из катапульти.

– Из катапульти! Как вы сильны в фортификации, дорогой Портос!

– Итак, нога устремилась вперед, встретила на своем пути перегородку и пробила ее. Друг мой, мне показалось, что я, как Самсон¹⁵, разрушил храм. Сколько при этом повалилось на пол картин, статуй, цветочных горшков, ковров, занавесей! Невероятно!

– Неужели?

– Не считая того, что по другую сторону перегородки стояла этажерка с фарфором.

– И вы опрокинули ее?

– Да, она отлетела в другой конец комнаты. – Портос захохотал.

– Действительно, вы правы, это невероятно. – И д'Артаньян расхохотался вслед за Портосом.

¹⁵ *Самсон* – библейский персонаж, иудей, обладавший нечеловеческой силой, заключенной в его волосах. Из-за коварства филистимлянки Далилы, остригшей ему волосы во время сна, был схвачен и ослеплен. Через несколько месяцев, когда его волосы отросли, обрушил своды здания, погребя под обломками себя и множество врагов.

Портос смеялся все громче.

– Я разбил фарфора, – продолжал он прерывающимся от смеха голосом, – больше чем на три тысячи ливров, ха-ха-ха!..

– Великолепно!

– Не считая люстры, которая упала мне прямо на голову и разлетелась на тысячу кусков, ха-ха-ха!..

– На голову? – переспросил д'Артаньян, хватаясь за бока.

– Прямо на голову!

– И пробила вам череп?

– Нет, ведь я же сказал вам, что люстра разбилась, она была стеклянная.

– Люстра была стеклянная?

– Да, из венецианского стекла. Редкость, дорогой мой, уникальная вещь и весила двести фунтов.

– И упала вам на голову?

– На... го... ло... ву... Представьте себе раззолоченный хрустальный шар с инкрустациями снизу, с рожками, из которых выходило пламя, когда люстру зажигали.

– Это понятно. Но тогда она не была зажжена?

– К счастью, нет, иначе я сгорел бы.

– И вы отделались только тем, что были придавлены?

– Нет.

– Как нет?

– Да так, люстра упала мне на череп. А у меня на макушке, по-видимому, необыкновенно крепкая кость.

– Кто это вам сказал, Портос?

– Доктор. Нечто вроде купола, который выдержал бы собор Парижской Богоматери.

– Да что вы?

– Наверное, у всех людей череп устроен таким образом.

– Отвечайте за себя, дорогой друг. Это у вас, а не у других череп устроен так.

– Возможно, – сказал самодовольно Портос. – Значит, так, когда люстра упала на купол, который у нас на макушке, раздался шум вроде пушечного выстрела; хрусталь разбился, а я упал, весь облитый...

– Кровью? Бедный Портос!

– Нет, ароматным маслом, которое пахло превосходно, но чересчур сильно; я почувствовал головокружение от этого запаха. Вам приходилось испытывать что-нибудь подобное, д'Артаньян?

– Да, случилось, когда я нюхал ландыши. Итак, бедняга Портос, вы упали и были одурманены ароматом?

– Но самое удивительное, и врач клялся, что никогда не видывал ничего подобного...

– У вас все же, должно быть, вскочила шишка, – перебил д'Артаньян.

– Целых пять.

– Почему же пять?

– Да потому, что снизу на люстре было пять необыкновенно острых украшений.

– Ай!

– Эти пять украшений вонзились мне в волосы, которые у меня, как видите, очень густые.

– К счастью.

– И задели кожу. Но обратите внимание на одну странность – это могло случиться только со мной. Вместо впадин у меня вскочили шишки. Доктор не мог удовлетворительно объяснить мне это явление.

– Ну, так я вам объясню.

– Вы очень меня обяжете, – сказал Портос, моргая глазами, что служило у него признаком величайшего напряжения мысли.

– С тех пор как ваш мозг предается изучению наук, серьезным вычислениям, он увеличился в объеме. Таким образом, ваша голова переполнена науками.

– Вы думаете?

– Я уверен в этом. От этого получается, что ваша черепная коробка не только не дает проникнуть в голову ничему постороннему, но, будучи переполненной, пользуется каждым случайным отверстием, чтобы выбрасывать наружу избыток.

– А-а-а! – протянул Портос, которому это объяснение показалось более толковым, чем объяснение врача.

– Пять выпуклостей, вызванных пятью украшениями люстры, были, конечно, пятью скоплениями научных знаний, вылезших наружу под действием внешних обстоятельств.

– Вы правы! – обрадовался Портос. – Вот почему голова моя болела больше снаружи, чем внутри. Я вам признаюсь даже, что, надевая шляпу и нахлобучивая ее на голову энергично-грациозным ударом кулака, свойственным нам, военным, я испытывал иногда страшную боль, если не соразмерял как следует силу удара.

– Портос, я вам верю.

– И вот, дорогой друг, – продолжал великан, – господин Фуке, видя, что его дом недостаточно прочен для меня, решил отвести мне другое помещение. И меня перевели сюда.

– Это заповедный парк, не правда ли?

– Да.

– Парк свиданий, известный таинственными похождениями суперинтенданта.

– Не знаю; у меня тут не было ни свиданий, ни таинственных приключений; но мне позволено упражнять здесь свои мышцы, и, пользуясь этим разрешением, я вырываю деревья с корнями.

– Зачем?

– Чтобы размять руки и доставать птичьи гнезда; я нахожу, что так удобнее, чем карабкаться вверх.

– У вас пастушеские наклонности, как у Тирсиса, дорогой Портос.

– Да, я люблю птичьи яйца несравненно больше, чем куриные. Вы не можете себе представить, что за изысканное блюдо – омлет из четырехсот или пятисот яиц канареек, зяб-

ликов, скворцов и дроздов!

– Как – из пятисот яиц? Это чудовищно!

– Все они умещаются в одной салатнице.

Д'Артаньян минут пять любовался Портосом, точно видел его впервые. Портос же расцветал под взглядами друга. Они сидели так несколько минут. Д'Артаньян смотрел, Портос блаженствовал. Д'Артаньян искал, по-видимому, новую тему для разговора.

– Вам здесь весело, Портос? – спросил он, найдя, наконец эту тему.

– Не всегда.

– Ну, понятно; однако, когда вам станет слишком скучно, что вы будете делать?

– О, я буду здесь недолго! Арамис ждет только, чтобы у меня исчезла последняя шишка, и тогда представит меня королю. Король, говорят, терпеть не может шишек.

– Значит, Арамис все еще в Париже?

– Нет.

– Где же он?

– В Фонтенбло.

– Один?

– С господином Фуке.

– Отлично. Но знаете ли...

– Нет. Скажите, и я буду знать.

– Мне кажется, что Арамис забывает вас.

– Вам так кажется?

– Там, видите ли, смеются, танцуют, пируют, распивают вина из подвалов господина Мазарини. Известно ли вам, что там каждый вечер дается балет?

– Черт возьми!

– Повторяю, ваш милый Арамис вас забывает.

– Очень может быть. Я сам иногда так думал.

– Если только этот хитрец не изменяет вам!

– О-о-о!..

– Вы знаете, этот Арамис хитрая лисица.

– Да, но изменять мне...

– Послушайте: прежде всего, он лишил вас свободы.

– Как это лишил свободы? Разве я не на свободе?

– Конечно, нет!

– Хотел бы я, чтобы вы мне доказали это.

– Нет ничего проще. Вы выходите на улицу?

– Никогда.

– Катаетесь верхом?

– Никогда.

– К вам допускают друзей?

– Никогда.

– Ну так, мой друг, кто никогда не выходит на улицу, кто никогда не катается верхом, кто никогда не видится с друзьями, тот лишен свободы.

– За что же Арамису лишать меня свободы?

– Будьте откровенны, Портос, – дружески попросил д'Артаньян.

– Я совершенно откровенен.

– Ведь это Арамис составил план укреплений Бель-Иля, не правда ли?

Портос покраснел.

– Да, – согласился он, – но он только и сделал, что начертил план.

– Именно, и я считаю, что это не бог весть какая важность.

– Я всецело разделяю ваше мнение.

– Отлично, я в восторге, что мы одинаково мыслим.

– Он даже никогда не приезжал в Бель-Иль, – сказал Портос.

– Вот видите!

– Я, наоборот, ездил к нему в Ван, как вы могли убедиться.

– Скажите лучше – как я видел. И вот в чем дело, дорогой Портос: Арамис, начертивший всего лишь план, желает, чтобы его считали инженером, вас же, построившего по камешку стены крепости и бастионы, он хочет низвести до степени простого строителя.

– Строителя – значит, каменщика?

– Да, именно каменщика.

– Который возится с известкой?

– Именно.

– Чернорабочего?

– Точно так.

– О, милейший Арамис думает, что ему все еще двадцать пять лет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.